

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ХАРАКТЕР ПОБЕДИТЕЛЯ

Михаил НЕСТЕРОВ

Марковцев

Михаил Нестеров
Характер победителя

«ЭКСМО»

2009

Нестеров М. П.

Характер победителя / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2009 — (Марковцев)

Сотрудники ГРУ подполковник Марковцев и полковник Артемов получают задание предотвратить последствия политического убийства грузинского министра обороны. Руководство разведки считает, что эта акция – лишь первое звено цепи еще более серьезных преступлений, цель которых – тотальная дискредитация России. Известно, что в Грузию прибыл сотрудник ЦРУ Гвидо Терон, который вместе с исполнителем убийства, полковником госбезопасности Шавхелишвили по кличке Шерхан, намерен провести антироссийские провокации. Перед Марковцевым и Артемовым стоит сложнейшая задача – ликвидировать профессиональных политических провокаторов...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Нестеров

Характер победителя

Все может пасть. Дома, тела и враги надламываются, когда их ритм приходит в беспорядок.

Миямото Мусаси, «Книга Пяти Колец»

Эта книга основана на реальных событиях, однако сюжет и персонажи вымышлены. Всякое сходство с действительным лицом чисто случайное. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Глава 1

«На графских развалинах»

«Согласно оперативной информации, полученной от источника «Горизонт», 1 ноября 2008 года майор Телешевский Ю.А. из состава миротворцев Минобороны РФ намерен осуществить по заданию ГРУ конфиденциальную встречу с майором бывшей миротворческой группы со стороны Грузии Вахтангом Данией. Встреча планируется в грузинском населенном пункте Земо-Никози в 22.00 кавказского времени».

Грузия

Полковник Джемал Шавхелишвили с позывным «Шерхан» прибыл в населенный пункт Земо-Никози в 14 часов 15 минут, за восемь часов до встречи грузинского и российского миротворцев. Последний раз он был здесь в мае этого года, в период работ по очистке Салтвисского оросительного канала на участке от Цхинвала до Земо-Никози; работы проводились грузинской стороной. В целях обеспечения безопасности выставлялся временный наблюдательный пост миротворческих сил. Шавхелишвили с десятью спецназовцами, переодетыми в спецовки техников, были готовы провести провокацию с целью вовлечения в локальное вооруженное столкновение миротворцев. Все было готово и к взрыву участка канала. Но в последний момент санкцию на теракт отменили. А сам полковник и его бойцы стали непосредственными участниками по очистке оросительной системы, проходящей по территориям, подконтрольным юго-осетинской и грузинской сторонам.

А годом раньше – 2 августа 2007 года – неподалеку от Земо-Никози на базе грузинского миротворческого батальона прошли военные ученья. Миротворцы отрабатывали отражения на их блокпосты, зачищали территории, выводили мирное население. На учениях присутствовали представители Минобороны и Объединенного штаба Вооруженных сил Грузии.

Но самые свежие воспоминания об этом населенном пункте сохранились в связи с недавними событиями, которые пришлось на 13 октября, то есть двадцать дней тому назад. Под покровом ночи в городок пробралась диверсионная группа Шавхелишвили. Подрывники поставили две мины с часовым механизмом так, чтобы они взорвались с интервалом в пятнадцать минут. Что впоследствии и было зафиксировано. И в первую очередь это отметили в Министерстве внутренних дел Грузии, делая упор на то, что на месте взрывов планировалось установить пост грузинской полиции. Тремя днями ранее грузинская сторона задержала в этом населенном пункте трех российских солдат; позже они были переданы российской стороне.

Это была мелкая провокационная акция, сравнимая с комариным укусом. В таком ключе рассуждал о ней сам полковник госбезопасности. Но даже такие незначительные провокации, которые просились называться подстрекательством, были необходимы грузинской стороне; они создавали напряжение на грузино-осетинской границе и все больше настраивали Европу против России.

* * *

Юрий Телешевский и Вахтанг Дания назначили встречу в одном из разрушенных домов. Скорее всего, по нему отработал российский танк. Возможно, в доме укрывался грузинский снайпер. Целыми остались три из четырех стен и, как ни странно, крыша целиком, за исключением потрескавшегося шифера.

Телешевский подошел к дому со стороны дороги, ведущей из поселка в северном направлении. В пятистах метрах от этого места пятнадцать минут назад съехала на обочину и выключила габаритные огни шестая модель «Жигулей» бежевого цвета. Об этом Шавхелишвили по рации доложил спецназовец с позывным «Винсент». Эту кличку он получил после того, как в тренировочном ножевом бою ему отсекли мочку уха.

– Номер машины? – поинтересовался Шавхелишвили, резонно предположив, что с юго-осетинскими номерами на территорию Грузии мог приехать только человек, решивший свести счеты с жизнью.

– ВХА-715, – передал по рации Винсент. Он с двумя бойцами находился в непосредственной близости от точки парковки, высчитанной с минимальной погрешностью. Направление высчитывалось с закрытыми глазами: строго на север, на Цхинвал.

– Если машина поедет в нашу сторону – пропусти. Если назад – расстреляй. Кстати, – спохватился Шерхан, досадливо сморщившись, – сколько человек было в машине?

– Вместе с Телешевским – двое.

«Значит, только водитель». Полковник снова хмыкнул. В этот раз – над широкой и тем не менее загадочной русской душой. Майор российской армии на встречу отправился один, чтобы никого больше не подвергать риску. Ну-ну... Он поступил мудро? – спросил себя Шавхелишвили. Его встреча с Данией один на один носит личный характер – и так можно ее трактовать в случае задержания майора полицией или военными. А в сопровождении миротворцев или спецназовцев?.. Это уже подразделение, боевая единица. Никто с грузинской стороны не станет возражать против формулировки «российская диверсионная группа, проникшая на территорию Грузии».

– Бери водителя, – отдал распоряжение Шавхелишвили. – Машина нам тоже пригодится. Для Винсента это прозвучало как «не переусердствуй».

– Есть! – отозвался он и прервал связь с полковником. Жестом руки увлек за собой товарищей, которые в своих рациях тоже слышали голос командира.

Водитель поставил машину так, что ее не было видно из проезжающих мимо транспортных средств: к границе с Южной Осетией через этот населенный пункт подтягивалась военная техника: танки, бронетранспортеры, новенькие, по ходу проходящие обкатку американские штабные «Хаммеры». Они передвигались небольшими колоннами и только в темное время суток.

Он мог быстро выехать на оперативный простор. Что дальше – не знали ни он, ни майор, ни представитель Генштаба, который дал «добро» на эту операцию. Также они не смогли бы «прорваться с боем» – оружия не было, а только решимость применить отчаянный таран, как последний аргумент.

Винсент незаметно подкрался к передней дверце со стороны водителя, а его напарник был готов распахнуть заднюю правую. Третий спецназовец, вооруженный пистолет-пулеметом MP5 с ночной оптикой, страховал товарищей на расстоянии пятнадцати метров.

Винсент и напарник разом распахнули дверцы. Они откровенно куражились, когда синхронно включили яркие фонари, которыми были оснащены «хеклеры». Водитель, ослепленный с одной стороны, машинально повернул голову в другую и словно напоролся на луч. Он замер в положении, при котором его голова была обращена к правому боковому окну.

– Не шевелись, – негромко предостерег его Винсент. – Положи руки на руль.

Водитель выполнил и эту команду.

Винсент болевым приемом за кисть заставил его повернуться и медленно выйти из машины.

– Руки на капот. – Спецназовец отпустил водителя и опустил пистолет-пулемет. Он обыскал его быстро и со знанием дела, но обыск начал снизу, с голени, поднимаясь выше и выше. –

Ничего, – скорее для себя, чем для партнеров, сообщил он. – Ни телефона, ни хрена. Как ты здесь оказался, брат? Заблудился?

– Да.

– Заблудился в прифронтовой полосе, – уточнил Винсент. – А ты догадался, почему я разговариваю с тобой по-русски?

Водитель промолчал. Он только представил еще одного человека, который был точной копией Винсента, – он тоже разговаривал по-русски. С майором Телешевским. «Предатель», – прозвучало в его голове. И будто отголосок из прошлого: «По законам военного времени».

Винсент задал водителю несколько коротких вопросов, выяснив для начала его фамилию и имя: Николай Кипанидзе.

– Ты военный?

– Да. Пенсионер.

– Где проходил службу?

– В Ахалкалаки.

Винсент хмыкнул... недоверчиво. Ахалкалаки, стоящий на берегу Паравани, – его родина. Воды этой реки, вытекающей из одноименного озера, он считал не менее святыми, чем воды Иордана. Последний раз он был в родном городке, население которого не превышало девяти тысяч человек, в 2004 году. Но Ахалкалаки, известный без малого тысячу лет, – это не только святые воды. Это еще и 62-я военная база российских войск.

А дальше он, мысленно погруженный в воды Паравани и с думами о родном городе, совершил святотатство:

– Вот где ты нахватался заразы. С тобой все ясно.

Когда Винсент допрашивал водителя, то переключал рацию с приема на передачу, и полковник Шавхелишвили имел возможность слышать вопросы и ответы в прямом эфире.

– Руки назад, – приказал Винсент.

Водитель безропотно повиновался.

Спецназовец замкнул на запястьях задержанного наручники. Открыл заднюю дверцу машины и, пригнув голову водителю, свободной рукой подтолкнул его в салон. Сел рядом. Еще два спецназовца заняли передние места.

* * *

Глупо все это, подумал Шавхелишвили, глядя на майора российской армии. Ему на ум пришло определение «приспичило». Майор зашел в «графские развалины» по малой нужде. А развалины молчали. Ни клада там, ни хрена, как сказал бы Винсент. Не факт, что Телешевский пришел раньше Дании, а тот опоздал. И эта напряженная атмосфера сказала Юрию Телешевскому все или почти все. Он не мог не думать о провале. Скорее всего, об этом думал больше, чем об удаче. На душе у него было муторно. Нельзя представить, что в душе у него все пело от радости.

Чернота пролома отпугнула его. Он резко развернулся и рванул назад. С таким же успехом он мог повернуть налево, направо, мог пойти напролом. Туда, откуда были готовы выткаться люди в черном. Но Джемал остановил их коротким приказом по рации, он в Телешевском увидел дичь. Не достойного соперника, а предмет охоты. Он должен был взять его своими руками.

Джемал в несколько широких шагов настиг майора и толкнул его в спину. Как будто подтолкнул к активным действиям. А может, вернул майора с позорного пути бегства. Телешевский сумел сгруппироваться и перекатился через плечо. Тут же встал, принимая свободную стойку.

Шерхан в черном был похож на «сабатера» и первый выпад сделал как ниндзя: стремительно, незаметно. Крутнувшись вокруг своей оси, он высоко выбросил ногу, и она по широкой дуге прошла в сантиметре от головы майора. Джемал дал прочесть этот удар, называемый «ура маваша», замаскировав за ним следующий: такой же обратный удар ногой, но в нижнем партере, фактически не останавливаясь, закрутившись на второй круг. Он сбил майора мощным ударом под колено, и тот упал на спину. Его лицо исказила боль, но он поборол ее, поднимаясь на ноги. Он походил на гладиатора, судьба которого была решена еще до поединка.

Шерхан показал ему, как нужно работать во фронтальной стойке. Он атаковал майора прямым ударом, продавив его этим мае гери, а дальше, высоко поднимая ногу, обрушил ее на плечо противника. Майор упал на колени, подавшись вперед. Шерхан, демонстрируя небывалую скорость, той же ногой двинул его в грудь. Майор словно находился в машине, которая лоб в лоб столкнулась с другой машиной: его голова вначале упала на грудь, а потом откинулась назад. Казалось, это тонкий расчет Шерхана, однако он едва не перестарался: майор чуть не сломал себе шею. Это «чуть» остановило обоих и вывело на импровизированную арену «людей в черном». Они взяли в кольцо Джемала Шавхелишвили и стоящего перед ним на коленях миротворца, и тут же впустили в него еще одного человека – Данию.

– Зачем вы привели его сюда? – недовольно сощурился Шавхелишвили. – Отведите его в помещение.

И, глянув на майора, усмехнулся:

– Может, тебе руку подать?

В развалинах Джемал свалил майора с красивой «европейской» фамилией одним точным ударом под дых. Дания корчился в ногах двухметрового полковника, о котором знал не так много. Поговаривали, он служил всем, на кого работал, а понятия «прислуживать» для него не существовало. Он был редкостным исполнителем, и это качество ценили в нем все его работодатели.

Шерхан разговаривал с Данией на русском языке – чисто, без акцента, однако подчеркивая каждое слово, вычеканивая предательство.

– Кому ты продался, собака? – Джемал смотрел прямо перед собой. А перед ним стояли, вытянувшись в струнку, его подчиненные. – Продался русским? Отвечай, на каких условиях ты собирался передать в ГРУ секретную информацию?

– Я... – Дания тяжело сглотнул. – Я хотел обговорить с... Телешевским условия.

– Какие условия? Мне что, из тебя каждое слово вытаскивать?

– Я обещал дать официальные показания на своих непосредственных начальников, которые 7 августа дали мне приказ вывести наших... грузинских миротворцев из миротворческой группы, оставив русских военнослужащих одних. В обмен на это я хотел потребовать гарантий для моей семьи. Я хотел вывезти жену и сына...

– Сколько твоему сыну?

– Восемь.

– Восемь. Продолжай, – разрешил Джемал.

– Их нужно было вывезти из Грузии.

– Куда именно?

– Мне было все равно куда – хоть в Южную Осетию. Но только ненадолго, на считанные часы.

– А потом? – Шавхелишвили усмехнулся, легко угадывая мысли Дании. – А потом – в российскую глубинку, да? Никогда еще снежные российские просторы не манили грузинского офицера так сильно. – Странно, но в голосе Джемала не было и капли издевки. – Ты рисовал в голове натуральные «заносы» и был счастлив в воображаемом домике, из трубы которого валил дым. На километры вокруг никого, только ты и твоя семья. Настоящее счастье. Покой, к которому ты стремился последние несколько месяцев. Или недель?

Дания промолчал. Его замучили совесть и страх. Это они сломили его. А сейчас его добивал громила-полковник из госбезопасности. В голове каким-то чудом промелькнули слова из книги или кинофильма: «Боевой дух – хрупкая вещь. Его легко сломить. Но также возможно восстановить». Последняя фраза виделась ему плевком судьбы...

– Неужели ты думал, что тебе, офицеру грузинской армии, позволят предать свою родину? – продолжал Шерхан. Он покачал головой, и даже густые брови его поползли вверх. Казалось, он не верил своим словам. – Нет, ты ее пока не предал. Ты только ступил на дорогу предательства. Обвинив родину раз, ты выдвинешь против нее другие обвинения – обоснованные и нет. Ты войдешь во вкус. Мне это очень знакомо. Не ты первый, не ты последний, кого я обламывал. Зубы у тебя еще пока целы. Понимаешь, о чем я говорю?

Вот сейчас Дания неоправданно затянул с ответом, и Шавхелишвили напомнил ему, что время лирических отступлений закончилось. Он ударил Данию, и тот повалился на пол, собирая лицом грязь с заплыванного пола. Он был похож на громадную креветку, выброшенную на берег.

«Время заката вышло», – подумал вдруг Шавхелишвили. Он запомнил тот момент, когда лучи уходящего за горизонт солнца целеуказателями прорвались через дыры в крыше и стенах, а время как будто остановилось. Для всех, кто находился в радиусе ста метров, а не только для одного человека, который, может быть, повторял про себя: «Зубы пока еще целы...» Интересно, когда его брали, он думал о том, что ему могут отбить внутренности, но лица не тронут? Он полагал, что его лицо – это допуск на встречу с Юрием Телешевским? Если это так, подвел итог Джемал, то майор Дания по-прежнему был безоружен перед совестью и страхом.

Он перевел взгляд на другого майора, Телешевского. Он приготовил длинную речь, не сомневаясь в том, что майор не забудет начало, когда он доберется до конца.

– Я не знаю, есть ли у тебя семья, есть ли люди, которые станут переживать за тебя, как и ты за них. Мне и тебе, майор, достаточно знать одно: сильно, очень сильно за своих близких будет переживать твой грузинский друг. Он упомянул только жену и сына. Но у него большая семья, и каждое твое «нет», майор, будет сокращать его семью на одного человека. И начнется отсчет с его сына. Потом я убью его отца. Я буду чередовать: молодой – старый, и это будет справедливо. Ты согласен сделать одну вещь для меня?

– Да, – кивнул майор и сморщился от резкой боли, прострелившей его от шеи до кончиков пальцев. «Лучше бы он свернул мне шею». Дания в представлении майора оказался прирученным животным, а люди, как сказал Антуан Сент-Экзюпери, навсегда в ответе за тех, кого приручили. Телешевский правильно предположил: у него будет время представить на месте близких Дания – своих и спросить себя: при каком раскладе легче и кому?

Ему завязали глаза (факт для майора Телешевского обнадеживающий) и посадили в микроавтобус. Он слышал дыхание и переговоры грузинских спецназовцев. Приблизительно высчитал время в пути и на семьдесят процентов был уверен, что его привезли в Гори.

Его поместили в подвальное помещение (марш-полуторка насчитывал шесть и десять ступеней) – сухое, прохладное, без единого окна. Единственный источник света лампа, горевшая вполнакала в коридоре; ее света едва хватало на то, чтобы толстые прутья решетки, за которые крепко держался майор, могли отбросить тень. Чего нельзя было сказать о живом человеке: майор Телешевский сам превратился в тень.

Глава 2

Ловец снов

Тбилиси

Полковнику Шавхелишвили снова приснился сон. Один и тот же сон преследовал его на протяжении последних трех лет. Во сне он переживал реальные события. Они начинались с главного. Он в черном. Его лицо скрывает маска портативного дыхательного устройства. Он лично проверил вытяжку на кухне квартиры, из окон которой открывалась улица. Тяга оказалась на таком высоком уровне, словно накануне в доме поработала бригада трубочистов. Лист бумаги, который Шерхан приложил к решетке вытяжного отверстия, прилип к ней, став оригинальной заслонкой. И только с этого мгновения все четыре конфорки газовой плиты и газовый обогреватель стали представлять для тех, кто находился в арендованной квартире, смертельную опасность, – за исключением тех, кто прихватил с собой и вовремя надел ПДУ. Их было десять человек. Шерхан любил это число. И если кому-то из его команды требовалась замена, она немедленно находилась; он всегда держал под рукой пять-шесть равноценных кандидатов. Десять человек. Это был почерк. Или намек на почерк. Но этот факт Джемала ничуть не трогал. Ведь никто не удивляется, что у легковой машины четыре колеса.

И снова сон. Сон во сне. Он в загородной резиденции президента республики. Он в приемной в компании пары двухметровых охранников в строгих костюмах и черных очках. В связи с чем Джемалу Шавхелишвили припоминается фраза русско-украинского мафиози из американского фильма: «Какой мудака будет в черных очках в помещении, где полно голых баб?» Эта фраза точно подходила к телохранителям президента, которые без очков сами себе казались голыми. В кабинете президента находился министр госбезопасности; через приоткрытую дверь Шавхелишвили отчетливо видел его спину. Он знал тему разговора, тем не менее вслушивался, но, как ни странно, не расслышал ни одной связной фразы, как будто собеседники перешептывались. Но нет. Если уж шеф госбезопасности жестикулировал, то президент в это время переплюнул любого самого горячего итальяшку.

Наконец президент вышел на первый план. Он показался в проеме двери и несколько секунд неотрывно смотрел на гостя. *Он приценивался к нему.* В его глазах было столько сомнения, что оно только что не стекало по его полным щекам. Он не доверял никому. Он был готов разорваться, но следовать популярному правилу: «Если хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай это сам». С другой стороны, он постоянно демонстрировал власть, манипулируя не только подчиненными, но и целыми ведомствами. Он был диктатором.

Его волосы были растрепанными, в глазах застыло беспокойство. В голову Шерхана вдруг пришла фраза, претендующая на афоризм: «Сильные люди часто подчиняются слабым».

Ему кажется, что за дверью топчется бледный как смерть генеральный директор «Тбилиза». Он сам себе видится козлом отпущения. Он походит на ученика, который, не зная темы урока, просто заучил текст. И не отступит от него, какие бы вопросы ему ни задавали работники прокуратуры и журналисты. И в домашнем кругу он будет твердить одно и то же. По большому счету потому, что однажды заглянул в холодные глаза Шерхана и увидел на самом дне их пропасти острые камни...

Шавхелишвили, как и многие, был уверен, что угарный газ не имеет ни цвета, ни запаха. Это была неправда, облаченная в пропаганду. *У каждого человека запах и цвет угарного газа свой.*

...Премьер-министр почувствовал острый запах пережаренных сухарей. Навсегда ускользающая память швырнула его на много-много лет назад. Он очутился в холодной комнате деревянного дома. Дверь на кухню закрыта, но там тепло. Там топится печка. Бабушка старается

не шуметь, чтобы не разбудить внука, который приехал погостить на зимние каникулы. Только дед, который вскоре ввалится в дом, поднимет лежебоку с постели. И мальчик будет ему благодарен. За то, что вместе с ним в комнату рванет долгожданное тепло; он откинёт одеяло и утонет в горячих и сильных руках деда.

Запах сухарей...

Бабушка нарезала зачерствевший хлеб на ломтики и поставила сушиться на сковородке в печку. И один ломтик упал на чугунную плиту. Он потемнел, от него пошел легкий дымок. Потом запах усилился, дыма стало много. Как будто сразу несколько человек закурили в комнате. Вот они прикурили еще по одной сигарете и жадно затянулись, шумно выдохнули. Распахнулись окна, и в них показалось множество людей – копии деда. Они курили и курили, пуская дым в комнату, и та скоро превратилась в огромный воздушный шар, наполненный дымом; туман, молоко, ничего не видно.

А где же бабушка? Почему она не выгонит этих людей, не прогонит деда, который торопливо пускал дым из каждого уголка комнаты?

Она на полу. Лежит бездыханная. Она отравилась дымом обыкновенного сухарика, который предназначался как угощение любимице-козе.

Трудно дышать. Невозможно пересилить этот смрад; он забил нос, ожег гортань, выел глаза. Ничего не видно. Кроме смутной фигуры без лица. Вот он приблизился, и его голова стала похожа на освежеванную баранью голову с торчащим из нее окровавленным горлом. Он протягивает руки и душит, душит. Он перекрывает доступ угарного газа, ставшего смертельной дозой наркотика, к легким, к крови, к сердцу, к рассудку.

Угарный газ.

А...

А!!

И еще один – последний вопль. Призрак с бараньей головой его не душил. Руки у него висели плетью.

– Все?

– Кажется. Да. Этот готов.

Невнятные голоса, сопровождаемые жестами.

Шерхан подошел к премьер-министру и приложил пальцы к его шее. Впервые в жизни он испугался так сильно – изо рта высокопоставленного чиновника вырвался отравленный воздух, его отравленная душа, упорно державшаяся за прутья его грудной клетки. И вот клетка опустела.

Жуть. Человек мертв, а в нем еще что-то теплится.

И снова пальцы касаются шеи трупа. В этот раз в глазах Шерхана видна опаска. Живые, они смотрят в мертвые глаза, распахнутые широко, *гостеприимно*. Как с того света. Но почему «как»?

Готов.

А что со вторым?

Шерхан подошел ко второму телу. Покойник сидел на стуле ровно, словно его привязали к спинке. Ему как будто вкатили дозу героина «с ветерком», и он боится потерять хотя бы одно мгновение этого неповторимого сумасшедшего кайфа. «За это можно все отдать». И он отдал жизнь.

С ума сойти.

Шерхан качает головой. Он уже на улице. На легком, как ему показалось, морозе. Ночная улица встретила его прохладно. Его губы тронула улыбка. Он словно вышел не из подъезда дома, в котором оставил два трупа, а покинул головокружительный аттракцион. В крови бурлит адреналин, а сердце, кажется, взяв такой бешеный ритм, уже никогда не остановится. Никогда.

Жить хорошо.

Дело сделано. Привычная, дежурная фраза. А если осечка? Дело не сделано? Смешно. *Смешно, ей-богу.*

Кошмар, пережитый однажды наяву, покидал Шерхана именно со словами, обращенными к богу всеу, может быть. Он не верил в бога. Он как в спасение и избавление верил в Великое Ничто, в котором утонут все боли и страдания, утянут за собой и все самое лучшее. От этих мыслей ему было страшновато, особенно по ночам и под утро, когда он просыпался ни свет ни заря и уже не тешился мыслью уснуть снова. Тогда он потеряет то, что только что ощутил, самое важное, что существовало на этом свете и имело ценность: ПРОБУЖДЕНИЕ. Здоровым или больным, упивающимся праздником жизни или жаждущим оставить этот мир.

Проходили минуты – порой целая вереница, тяжело поднимаясь в гору, и он обретал уверенность. Сам, без посторонней помощи. Ему было трудно, потому что он был одинок.

То первое пробуждение после смерти премьер-министра пришлось на следующее утро; предыдущая ночь выдалась бессонной. Он переживал не очередную смерть, а смерть важного человека, сильного мира сего. В его жизни это было значимое событие, поэтому он воспринимал его так остро. Он часто возвращался к одной мысли: ему казалось, в тот поздний вечер он убил святого... И может быть, в этой связи переключался на маслянистые глаза человека, который взглядом отдал ему приказ: «Убей!» Но почему таким, как Шерхан, суждено получать приказы от сильных мира сего, а докладывать тем, кто, по сути дела, ничего не решает и является посредником между заказчиком и исполнителем?

Несправедливо.

Но нужно свыкнуться с этим, принять. Мир тонет в море несправедливости.

Глава 3

Ловец снов

(продолжение)

Шеф личной охраны министра обороны сморщился так, словно у него разболелись все зубы разом. Во рту пересохло, а к горлу подкатила тошнотворный комок. Давид Кочари ждал гостей, но не мог предположить, что все будет так страшно. Он не знал, что чувствуют убийцы – он никого не убивал, – зато уже мог поделиться чувствами предателя – и родины, и конкретного человека, которого он уважал и ценил. Раньше ему казалось, он был готов отдать за него жизнь. Теперь – нет. Он позволял другим забрать у него жизнь. Он был напуган. Люди, которых он впустил в дом, могли одним словом назвать его состояние: трусость.

– Как дела? – спросил полковник Шавхелишвили. Не на ходу. Он остановился рядом с телохранителем министра, но руки ему не подал. Он не изменил своей привычки и смотрел мимо собеседника. Их взгляды снова пересекутся, но только на короткий миг, который будет слишком мал, чтобы увидеть в его глазах хотя бы холодную искру.

Джемал был одет в униформу черного цвета. Он бы не изменил этому правилу, даже если бы операция протекала посреди пустыни и при палящем солнце. Он любил черный цвет. Любил перебирать фотографии, на которых он был запечатлен в униформе траурного цвета. Было несколько других фотографий – скорее для сравнения, что ли, – где на нем была коричневая форма – аналог той, в которую были экипированы американские солдаты в Ираке. Но в отличие от последних, укутанных так, будто они шли покорять величайшую вершину мира, Шерхан был приверженцем «легкой кавалерии». (Однажды он услышал в свой адрес: «Вы всегда так мало на себе носите?») Кажется, эта фраза была позаимствована из американского фильма «Бриллианты навсегда». Впрочем, он не был уверен. В связи с чем припомнил другое высказывание: «Во всех сомнительных случаях цитату следует приписывать Бернарду Шоу». Но кто автор этой цитаты? Еще один сомнительный случай...) Боец спецназа должен быть маневренным, мобильным. Но если у тебя за спиной двадцатикилограммовый рюкзак, глаза скрывают защитные очки и тырываешься от средств связи (кому ответить – первому, второму или третьему и по какой рации), задыхаешься после полукилометрового броска на черепашьей скорости, ты, извини меня, – экипированный труп, а никакой не спецназовец. Его умиляли наколенники и налокотники, под которыми он, привлекая чуточку сарказма, видел изнеженные колени, которым позавидовала бы слабая половина человечества. Любая царапина, и ты бежишь к доктору: смазать, перевязать, сделать инъекцию. Где боль? Ведь только она способна сказать тебе, что ты еще жив, что ты солдат, а не живой манекен, рекламирующий средства защиты, нападения, выживания и еще черт знает чего. Шавхелишвили был глубоко убежден, что «живые американские манекены» в Ираке и Афганистане – хорошо продуманная рекламная акция – в самом масштабном, на государственном уровне, смысле этого слова.

– Как дела? – повторил Шерхан, обремененный лишь парой упряжей – для пистолета и ножа, и бронежилетом.

Давид Кочари ответил честно. Наверное, потому, что не знал, что ответить.

– Не спрашивай.

– А все-таки.

– Хреново.

Шерхан рассмеялся. В его коротком смешке был заложен и дружеский жест, которым он потрепал офицера физической защиты (так официально называлась должность Кочари; без всяких там замещений) по плечу. И только сейчас их взгляды пересеклись.

Все же телохранитель министра обороны увидел искру в холодных глазах Шерхана и она могла завести любой «убитый» двигатель.

– Он на втором этаже?

– Да, – ответил Кочари.

Шерхан не расслышал. Его взгляд пробежался не по дубовым ступеням лестницы, а по видимой ее части – балясинам, сработанным из той же твердой и дорогой породы дерева.

– Он на втором этаже? – повторил Джемал.

Он – это министр обороны страны. Так его не называла даже жена. Сколько помнил Кочари, она всегда избегала личных местоимений даже в его присутствии.

– На втором, – подтвердил он более конкретно.

– Не бери в голову, и все обойдется. Мы за ним пришли, не за тобой.

– Ну да. Про меня ты бы спросил: «Он на первом этаже?»

Шерхан растянул чувственные губы во второй раз. Этот человек, именно человек, а не его смелость, нравился ему все больше. И он не удержался от жеста, который лишь подразумевал: похлопал Кочари по плечу. В следующую секунду полковник ступил на лестницу и быстро взбежал по ней. Буквально по горячим следам своих подчиненных. Они действовали бесшумно. Наверху было тихо, как и положено в этот ранний час.

Площадка на втором этаже вливалась в узкий коридор, раздваивающийся неравными по длине рукавами. Более короткий вел в личные апартаменты министра, который даже за кулисами военной политики придерживался некоего светского стиля. Его апартаменты состояли из спальни, имеющей смежную комнату, ванной и кабинета – с его необязательной, наверное, комнатой отдыха и туалетом. Спальня жены министра находилась в другом крыле, и начиналась она с будуара.

Бойцы Шерхана взяли под контроль весь дом. К этой минуте все, кто находился в доме, смотрели в стволы немецких пистолет-пулеметов «Хеклер и Кох» MP5N – с интегрированным глушителем и раздвижным металлическим прикладом. Спецназовцы поставили жильцов на колени, заставив скрестить руки на затылке, и контролировали каждое мимолетное движение минимум с двух точек – спереди и сзади. Они казались скованными, но на самом деле это называлось неподвижностью, готовностью убить, опустить оружие, выполнить любой приказ. Они в корне отличались от тех бойцов спецподразделений, которых раздавила русская военная машина в первые дни и часы битвы за Южную Осетию. У тех буквально на лбу было выгравировано модное «Team Special». Они желаемое выдавали за действительное. Когда грузинское телевидение ретранслировало кадры российских коллег, Джемал Шавхелишвили, глядя на трупы из спецгруппы, сплюнул под ноги и брезгливо выдавил: «Тупые ублюдки». Как бы он действовал на их месте? Он этим вопросом не задавался. Каждый должен заниматься своим делом. «Наезднику стремя, охотнику ружье» – он припомнил строки из песни к кинофильму «Берегите женщин».

Русские давно готовились к этой войне, был уверен Шавхелишвили. Предвидели действия противника? Но это в плане военной стратегии одно и то же. В сентябре прошлого года на полигоне Ашулук в Астраханской области прошли специальные учения «по исследованию сил и средств радиоэлектронной борьбы». Об этом сообщил прессе не кто иной, как заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами России генерал-полковник Анатолий Наговицын. Полковник Шавхелишвили поднял материалы годичной давности и освежил память, процитировав русского генерала, как если бы обращался к аудитории: «На воздушно-огневой конференции мы разработали эту тему, чтобы сформулировать правила. С помощью средств РЭБ мы проверяем свои возможности бороться с такими же средствами противника и оцениваем, насколько они могут выполнять задачу по прикрытию наших войск». В первые же часы операции, озвученной генералом как операция по принуждению к миру, российские военные подавили все, что только поддавалось подавлению, в том числе и радиоэлектронные средства

противника, лишив его управления войсками и взаимодействия между группами и группировками всех родов войск, даже на море, которое превратилось в кладбище погибших кораблей. Год назад Анатолий Наговицын был известен узкому кругу лиц. Нынче он олицетворяет Вооруженные силы России. Учения в прошлом году и боевая операция в этом – иначе как привязкой это не назовешь.

Отчасти – но только отчасти – Шавхелишвили сам выдавал желаемое за действительное.

На лестничной площадке, над которой находился чердачный люк с раскладывающейся лесенкой, полковник остановился и оглядел коридор в оба конца. Машинально посчитал своих бойцов, выстроившихся в узком пространстве. Он повернул направо и на секунду остановился напротив широкой двери. Если бы она открывалась наружу, то не смогла бы открыться на всю ширину – слишком узок был коридор. Странная планировка дома, еще раз отметил Шавхелишвили.

Он вошел в спальню министра, которая начиналась буквально с вешалки: это простенькая прихожая, будто перенесенная сюда из гостиницы. Все так, как было на плане и прилагающихся к нему снимках; на них не было живых людей, а так все соответствовало тому, что имело место на самом деле. Министра подняли с постели – об этом говорила кровать со смятой подушкой и отброшенным одеялом. Он спал в спортивных штанах. Ему бы не дали прикрыться, даже если бы он был голым. Спортивные штаны и голый торс. Глаза Шавхелишвили пробежали по груди министра обороны, растительность на которой хоть и была бурной, но седой. Старческой – дал определение полковник, обходя стоящего на коленях командующего вооруженными силами. Тот дышал тяжело, как будто его вытащили из петли, в которой он задыхался не меньше минуты. Он знал, что это конец, и принял это как данность. Надежда умерла раньше, чем он, оставив его в качестве вдовца.

«Мы молчим, мы молчим, мы молчим, мы спешим... Мы вместе с птицами в небо уносимся...»

Шавхелишвили мысленно выругался. К нему прилипла еще одна песня из «Берегите женщин». Говорят, самый надежный способ избавиться от навязчивой мелодии – это насвистеть или напеть ее. Что он и сделал, стоя за спиной министра. Сделал «капитально»: «Мы молчим» – он насвистел, а «Мы вместе с птицами в небо уносимся» – напел.

Он подошел к окну и распахнул шторы. В комнате горело только бра в виде пары зеленоватых свечей, что было странно, да просачивался свет из прихожей. Но даже на этом фоне высокий полковник в штурмовом одеянии смотрелся эффектно. Не запахивая обратно шторы, он поднес ко рту рацию и отдал короткий приказ:

– Давайте его сюда.

Снова никаких имен в эфире.

«Надежда воскресла» – пронеслось в голове Шерхана. Вернее, приоткрыла глаза, развалившись на смертном одре. Министр обороны прохрипел, глядя прямо перед собой:

– Дайте мне пистолет. Вы тоже военный... Джемал, я прошу вас...

– Вы получите пулю, – пообещал полковник, кривя душой: чего-чего, а смерти от пули министру не видать. – Всеу свое время.

Что бы сделал он на месте главнокомандующего российской армией, который отдал приказ на вторжение на территорию суверенного государства? Он бы пошел дальше. Российская военная машина поначалу в лице одной из тактических групп 58-й армии, превратившись в раскаленный нож, прорвалась в базовый лагерь российских миротворцев в Цхинвале, а к ней подтянулся спецназ. Так началась операция «по принуждению агрессора к миру». Русские начали штурм позиций грузинской армии, что в селе Тамарашени на севере Цхинвала. Это село входило в четверку населенных пунктов северного грузинского анклава, через них же проходит Транскавказская магистраль, блокированная грузинскими военными. Потом части и подразделения 58-й армии совершили марш «в тяжелых горных условиях под обстрелом грузинской

артиллерии... В район боевых действий были переброшены артиллерийские, мотострелковые и разведывательные подразделения... Штурмовая и армейская авиация сосредоточена на ближайших российских аэродромах в зоне конфликта».

Человек, который стоял перед Шавхелишвили на коленях, в то время сделал жесткое заявление: «Если российские войска приблизятся к границе Южной Осетии, мы объявим России войну». Он же позорно заткнулся, когда российские танки и авиация перешли границу с Грузией, и огненная волна эта докатилась до Гори; до столицы было рукой подать. Так вот, если идти дальше и сравнивать диспетчерский пункт столичного аэродрома с Белым домом «51-го полигона», то жизнь президента и его ближайшего окружения висела на волоске. Что, воля или слабость российского главкома не позволили ему перерезать этот волосок? Какая разница: отвечать перед сумасшедшей Европой за вторжение до Гори или Тбилиси? За гибель трех тысяч грузинских военнослужащих или пяти?

Недоделали...

Полковник Шавхелишвили пошел бы дальше. Он бы катком прокатился по белокаменным палатам Кремля и проник в «Кремлевские тайны». Эта «недоделанность», перенесенная с одной стороны на другую, как с больной головы на здоровую, долго не давала Шавхелишвили покоя. В лице русских он видел кровного врага и, ставя себя на его место, топтал ногами кремлевскую резиденцию верховного главнокомандующего...

Что для тебя Грузия? Нет, что для тебя Независимая Грузия? Историческая? Да. Она без Абхазии и Южной Осетии, как пирог с вырезанными кусками. Посмотрите на карту. Что такое Сербия без Косово? Такой же пирог с безобразным надкусом. За Южную Осетию и Абхазию нужно бороться, как за руку или ногу, подлежащие ампутации. Хирург поставил неверный диагноз.

* * *

Сегодня полковник Шавхелишвили снова примерил портативное дыхательное устройство, аббревиатуру которого он, сам того не замечая, назвал ДПУ. Ошибку замечали его подчиненные, но обсудили раз или два, просясь как «Дорожно-патрульное управление» и «Дай полковнику ума». Это был тот же тип противогаза, способный защитить от боевого отравляющего вещества, к которому Джемал Шавхелишвили отнес и «начинку» от советского снаряда ствольной артиллерии: это четыреста сорок граммов зарина. Его вчера доставили в Гори из Ахалкалаки, где на протяжении многих лет на российской военной базе хранилось несколько десятков таких снарядов, и факт хранения был официально задокументирован в 1993 году. Специалисты из радиационно-химической лаборатории госбезопасности освободили химическую составляющую и поместили ее в баллон, используя для этого инертный газ.

Толстостенный баллон с шаровым краном весил чуть больше четырех килограммов. Его содержимое могло убить все, что дышало легкими и имело кожный покров, в закрытом помещении размером со спортзал. Загородный дом министра обороны был не меньше.

...Он оставил министра на попечение своих подчиненных и неторопливой походкой направился к группе людей, которая даже полковнику показалась жалкой. Он не хотел знать, что творится у них на душе. Отозвав в сторонку Давида Кочари, он без обиняков спросил:

– Кого из твоих людей ты отдаешь на откуп?

Для Кочари прозвучало: на алтарь. Он не мог выбрать, ткнув пальцем в одного, другого офицера. С каждым из них его связывали не только служебные отношения. Как не мог он указать на себя. Ему было страшно делать выбор. Он отдавал себе отчет в том, что Джемал Шавхелишвили добывает его морально и ждет от него одной, только до некоторой степени стандартной, фразы: «Выбор за вами». Он покачал головой, вкладывая в этот жест очень многое,

включая собственное унижение и покорность. Он, выбирая между жизнью и смертью, выбрал жизнь.

Джемал ответил ему схожим жестом, а вслух сказал:

– Уходите.

Эти слова он адресовал офицерам, которые уже не могли выступить в защиту своего шефа. И тише, чтобы услышал только их начальник:

– А ты задержись.

– Да, – ответил Кочари. На слух – грузинская фамилия. На самом деле «кочари» – тюркское слово и переводится как кочевник. Насколько знал сам Давид, тюрков в его роду не было.

Он подошел к своим подопечным. Ему не нужно было играть роль. Он был бледен, часто облизывал пересохшие губы; его глаза подернула мертвенная дымка.

Он сказал офицерам: «Уходим», а глаза его, которыми он указал наверх, говорили: «Издец ему». Он даже на миг забыл, что «издец всем», что первыми, как и положено, головы сложат телохранители министра обороны.

– Уходим... ребятки, – с запинкой, как будто заикнулся, поторопил Кочари.

– Они выходят, – бросал в радию Шавхелишвили, неспешно поднимаясь по лестнице. – Встречайте их. Где Телешевский?

– В автобусе.

Для встречи четырех офицеров охраны Шерхан выставил двух своих спецназовцев. Они отложили штатные «хеклеры» и вооружились старыми добрыми «калашами».

Майор Телешевский находился в автобусе. Он был один. Пристегнутый к вертикальной стойке наручниками, он мог вертеться вокруг нее, как стриптизер в баре. Когда его накрывала волна бешенства, он был готов начать невероятную гонку по кругу в попытке укунуть свой локоть. Глядя на происходящее во дворе дома министра обороны, он читал сценарий Джемала Шавхелишвили как с листа. Сценарий был прост и понятен, ничего лишнего.

Открылась центральная дверь, выпуская охранников. Они выходили парами и только что не держались за руки. В строгих костюмах, гладко выбритые, стройные и красивые, они, казалась со стороны, покидают церковь, где, сгорая от стыда, их обвенчал православный священник.

Автоматчики одновременно выбрали свободный ход спусковых крючков и дожали их. Два десятка пуль скосили первую пару, и стрелкам открылась вторая. Они и по ней отстреляли, как по падающим мишеням. Используя оптику, они выработали рожки до последнего патрона в попытке «проконтролировать» телохранителей.

– Дело сделано, – в вольном стиле доложил старший пары, продолжая неотрывное наблюдение за поверженным противником. Его напарник тем временем сменил магазин, передернул затвор, засылая патрон в патронник, и тоже принял к окуляру прицела.

– Выпускайте нашего мальчика, – не называя Телешевского по имени, распорядился Шавхелишвили.

Старший поднялся во весь рост и покинул точку, которой послужило что-то наподобие вазона или исполинского кашпо с лепниной по гребню; китч, на который министр обороны не обращал внимания.

В микроавтобусе он снял с Телешевского наручники и сунул ему в руки «калаш» с пустым рожком. Угрожая ему пистолетом, еще раз напомнил правила игры:

– Шаг в сторону, майор, и первым умрет мальчик. Тебе не надо напоминать, сколько лет сыну майора Дании?

– Ему восемь. У меня хорошая память.

«Умрет мальчик, – мысленно повторил он за спецназовцем. – Умрет сын Дании. Но не мой». Он подумал об этом с немислимой смесью облегчения, вины и смертельной тоски, и от этого хотелось выть...

– Эй, – окрикнул его тихонько стрелок. – Возле двери задержишься и махни мне рукой.

«Махни рукой своему партнеру», – подкорректировал его Телешевский. Чтобы камера слежения, уже запечатлевшая расстрел охранников, сняла и исполнителя, вооруженного автоматом Калашникова.

– Давай, пошел! – чуть слышно взорвался автоматчик, видя замешательство русского майора. – Оглох, блин?

Телешевский на ходу перекинул автомат через плечо. Оружие придало ему каплю уверенности. Во всяком случае, мысли его взяли иное направление. Он думал о том, что можно *выжать* из этой аховой ситуации. Грузинский стрелок целится ему в спину и не промахнется; он уже доказал свою состоятельность, скосив четырех человек; их трупы и обходил стороной Телешевский. За дверью еще несколько вооруженных до зубов спецназовцев. Так что можно *выжать* из собственных мозгов, какую лазейку найти, когда до порога осталось всего несколько шагов?.. А, да... Нужно *выжать* жест своему напарнику. Телешевский улыбнулся – рефлекторно, поскольку жест его был дружеским. И камера беспристрастно запечатлела этот момент.

Дальше он подошел к рубежу и миновал его довольно легко, без какой-либо мысли, на автомате. И сразу же встретился лицом к лицу с начальником охраны министра обороны.

Давид Кочари пришел в себя, едва увидел Телешевского, уловил его дыхание, словно понюхал нашатырного спирта. Скоро он убьет этого человека и станет единственным, кто сумел выжить в отравленной заринном атмосфере. И он, протянув руку, потребовал:

– Оружие!

Джемал Шавхелишвили, наблюдая эту сцену с бельэтажа, бросил под нос:

– А это неплохо совсем.

Он был рад тому, что одна из ключевых фигур этого дела ожила.

С этими мыслями Шавхелишвили дошел до спальни жены министра и бросил беглый взгляд на следующую дверь, в конце коридора: *детская*.

Дети министра в этот вечерний час наслаждались жизнью в Женеве. Они выросли как из коротких штанишек, которые бережно хранились в шкафах, так и из этой комнаты...

Молодая женщина – лет тридцати – лежала на кровати. Ее шелковая сорочка гармонировала, сливалась с атласным постельным бельем. То же самое можно было отнести и к коже этой грузинской красавицы, но только в последнюю очередь. Она была бледна... как княжна Тараканова, пришло к Шавхелишвили сравнение. Напугана, но не смертельно, как ее муж, с которым в браке она состояла последние четыре года. Она – женщина, а мужчины с женщинами не воюют. Женщину нельзя бить даже цветком. *Даже красной розой*. Она прекрасно знает об этом. Иначе чем еще объяснить ее относительное спокойствие... которое со временем могло перерасти в ледяное.

– А жаль... – обронил Джемал. И его смог расслышать дежуривший здесь спецназовец по имени Теймураз. Ни он, ни сам полковник Шавхелишвили не смогли бы толком объяснить причины его жалости.

– Внимание! – передал он по рации. – Минутная готовность.

Он был уверен в себе, как никогда. В эту минуту он мог уложить многое. Вот сейчас он уподобился театральному актеру: подошел к шкафу, снял с плечиков халат и подал вначале руку женщине, помогая ей встать с кровати, затем помог ей с халатом. Она завязывала пояс на ходу, стараясь не отстать от этого высокого, сильного мужчины.

– Ты можешь обнять жену, – разрешил Джемал, едва женщина вслед за ним перешагнула порог комнаты министра.

Минута вышла, и Шерхан начал обратный отсчет.

– Десять...

Он потянул из бокового подсумка ПДУ и надел маску отточенными движениями. Он мог находиться под защитой дыхательного устройства в течение двадцати минут.

– Девять.

Из другого подсумка он достал баллон и скрутил с крана стальную предохранительную проволоку. Теперь, чтобы пустить газ в помещение, достаточно было повернуть кран.

В руку Телешевского ткнулось ПДУ, над ухом прозвучал густой голос Кочари:

– Надевай противогаз. Быстро!

Теперь даже здесь, у самого выхода, ситуацию в свои руки взял Давид Кочари. Он не стал обременять себя дыхательным устройством – главное, чтобы аппарат был зафиксирован на майоре, зафиксирован камерой видеонаблюдения. Он не слышал, как отсчитывал последние секунды Шерхан, – у него не было рации. И он не мог опоздать. Наоборот – он поторопил события, и никто из команды «Дельта-Джи» – так именовалось подразделение полковника Шавхелишвили, не остановил его. Кочари выхватил свой табельный «кольт» и взвел курок, направил ствол на Телешевского.

– Пошел! На выход! Беги! Открывай дверь! – брызгал он слюной.

Сломленный за несколько дней плена, навсегда забывший о всплесках мужества и отваги – когда рубился с Шерханом, Телешевский рванул из двери так, словно завелся от искры надежды. Он уже не мог сообразить, что в его руках автомат, а лицо скрыто под резиной дыхательного аппарата. Он сбежал по ступеням и едва не споткнулся о безжизненную кучу тел. Он представлял собой отличную мишень и для начальника охраны, вооруженного пистолетом, и для второго автоматчика, который все это время был наготове, ждал этого момента.

Давид Кочари, воспользовавшись замешательством русского, шагнувшего в сторону, отстрелял в него из пистолета, как в мишень «бегущий кабан». Пули угодили майору между лопаток, и он, припадая на колено, крутнулся вокруг своей оси, замер, открыв рот. Но закричать от дикой боли не смог: еще две пули ударили ему в спину. Его правая сторона горела огнем, как будто он уже провалился в ад. К этому времени Кочари, окончательно вживаясь в роль, подбежал к своей жертве, опустился на колени так, чтобы не бросить тень на умирающего майора. Он сорвал с него маску и заглянул в его лицо; мог поклясться, что действительно увидел в этом человеке убийцу своего шефа.

А тот пока что был жив. Задержав дыхание, министр отпихивал от себя жену с посиневшим лицом. Глаза его вылезали из орбит, легкие вздулись и стали огромными, как будто вылезли из кастрюли с крутым кипятком. Из рта вырвался зеленоватый парок – газ, который убивал его...

Они виделись Шавхелишвили замерзающими на полюсе холода людьми; мороз настолько страшный, что пар изо рта имел консистенцию сметаны. Желто-зеленого, настоящего ядовитого цвета. Почему, думал озадаченный Джемал, держа в руках пустой баллон, почему бесцветный газ «на выходе» приобретает цвет? Если у зарина нет реакции с воздухом, то он вступает в реакцию непосредственно с легкими, живой тканью? Он что, расслаивается, отдает часть себя? Этими вопросами он задавался в то время, когда на его глазах умирали два человека. Они зябли, выдыхая облачка газа, и менялись в лице. Еще секунда-другая, – и эти цвета сольются.

Первым сдался министр. Он убрал руку с горла, которой словно душил сам себя, и, показывая белок идеального цвета, завалился на бок. Его жена теперь не встретила сопротивления и повалилась на грудь мужа. Последний выдох, и она, наконец-то, обрела покой.

«Отмучилась» – коротко подвел итог ее страданиям Шавхелишвили. И едва не снял маску: дело-то сделано. Но в доме по-прежнему витала смерть. Пройдет немало времени, прежде чем атмосфера очистится от ядовитых веществ.

«Вот я и приобрел еще один сон», – подумал Джемал. Но не кошмар, нет, был уверен он. Теперь в его сновидениях все будет сбалансировано. Он мог сказать себе, что излечился, если признать истиной его болезнь. «Клин клином вышибают. Клин клином...»

Ему показалось, что ядовитый газ нашел брешь в ПДУ – отсюда и мысли такие задурманенные, слегка отравленные; утренние мысли. Их надо пережить. Не гнать их, а пережить, пропустить через собственный фильтр, посмотреть, что осталось на нем, – иначе они придут снова, снова и снова.

Он вышел последним из министерских апартаментов, «фильтруя» последнюю в этот день навязчивую мысль: справедливый ли суд состоялся на министром обороны? Да – если учесть, что он проиграл войну. Он не мог не догадываться о том, что однажды за ним придут. Он знал разницу – в какой стране родился и в какой жил последние несколько лет.

Только на первом этаже, став у приоткрытой двери, Шавхелишвили снял маску и без опаски вдохнул полной грудью животворный бодрящий воздух. И понял, что никаких цветных паров изо рта министра и его жены не было. Виной всему – свет от зеленоватого бра и напуганное воображение самого Джемала...

– Посмотрим запись, – обращаясь больше к себе, нежели к Винсенту, произнес Шавхелишвили. И уж точно его слова не были обращены к Давиду Кочари, который после убийства майора Телешевского мог сменить фамилию. Тюркскую на тюркскую. Не то же на то же, но фамилия Юсупов ему бы подошла.

Джемал первым направился к небольшой комнате, затерявшейся в конце коридора. В нее вели две двери, одна со двора, но Шавхелишвили, пока работала аппаратура наружного наблюдения, было не резон заниматься «масштабным монтажом»: хватит и начала, где неподвижная камера запечатлела появление во дворе группы «Дельта».

В этом помещении, где и двум людям было не развернуться, Джемал остановил запись и перемотал пленку на начало, в режиме ускоренного просмотра дошел до того места, где в кадре появились телохранители министра. «А ну-ка посмотрим», – не без самодовольства сказал он сам себе.

Он высоко оценил работу двух автоматчиков из своего подразделения. Они словно использовали принцип домино: вышибли первую пару телохранителей, которые, по нехитрой задумке Шавхелишвили, отправлялись домой после смены, открывая вторую.

«А вот и наш герой».

Майор российской армии с автоматом в руках на пороге загородного дома министра обороны Грузии. Вот он, махнув кому-то рукой, скрывается в доме. Проходит время, и он снова в кадре. Но теперь Телешевский, лицо которого скрывала маска дыхательного устройства, сам себя не узнал бы в зеркале. Он рванул из распахнутой двери по следам телохранителей, отклонился в сторону и попал под пушечный огонь Давида Кочари. И еще одна серия выстрелов.

Маски сорваны. Видеокамера очень четко запечатлела лицо российского миротворца. Его узнает даже приемная мать, сострил Джемал.

Он забрал кассету формата SuperHG и положил ее в карман. Не он сам, но специалист из его отряда поработает над ней ножницами. За кадром осталась последняя фаза операции, но и без нее ролик получился более чем полноценным.

Шавхелишвили вызвал по рации Винсента, чтобы по обыкновению сделать запрос о состоянии здоровья каждого члена команды, не нужна ли кому-то медицинская помощь, и вздрогнул от неожиданности: «одноухий» следовал за ним по пятам и ответил прямо у него над ухом. Шерхан просверлил его взглядом: «Еще раз так сделаешь...»

Винсент поднял руки, извиняясь.

– Заканчивай тут, – отрубил Джемал.

В сотне метрах от особняка в свою машину сел Николай Кипанидзе. Его пассажиром стал майор Дания. Он составил водителю компанию по приказу Винсента. Они переглянулись. Они хотели сделать как лучше. Может быть, немного по-другому: хотели сделать мир лучше, родину чище, но запятнали все что могли. Они были марионетками в этом спектакле, и против воли кукловода сделать ничего не могли: с ним их связывали нервушиеся нити.

Команда Винсента: «Давай!» – и Кипанидзе завел двигатель. Дал ему прогреться чуть-чуть на холостых оборотах. Отмашка «одноухого» – и он придавил педаль газа.

Дания повалился на сиденье, инстинктивно прикрывая голову руками. Он цеплялся за последнюю ниточку: вдруг Кипанидзе удастся увести машину из-под обстрела?..

Они ждали очереди сзади, но пара автоматчиков встретила их плотным огнем впереди.

Кипанидзе выпустил руль из рук, уронив голову на баранку, и неуправляемая машина врезалась в столб. Раненный в плечо Дания молился, когда вооруженный автоматом спецназовец через разбитое окно добил его короткой очередью в голову.

* * *

Статьи из газеты «Сакартвелос республика».

«Сегодня ночью в своем загородном доме был убит министр обороны Грузии Нугзар Квирикашвили... Личности убийц установлены. Это майор российской армии Юрий Телешевский, офицер грузинских ВС Вахтанг Дания и бывший военнослужащий Николай Кипанидзе, объединенные в диверсионную группу. Расстреляв охрану министра Квирикашвили, Телешевский проник в дом. Там он использовал боевое отравляющее вещество – зарин. Супруги Квирикашвили в это время находились в одной комнате... «О концентрации зарина в здании говорил тот факт, что Телешевский покидал место преступления в противогазе», – сказал нашему корреспонденту начальник охраны министра Давид Кочари... Кочари поднял тревогу и, преследуя преступника, смертельно ранил его. Подоспевшая группа спецназа уничтожила двух других членов диверсионной группы, пытавшихся скрыться на легковом автомобиле. Все они были вооружены автоматами Калашникова с приборами бесшумной и беспламенной стрельбы, оптическими прицелами... Напомним, что 1 ноября этого года российская сторона в лице заместителя министра обороны обвинила грузинскую в похищении майора-миротворца... Бесстрастными свидетелями этой трагедии стали видеокамеры, установленные над порталом особняка...»

«Спустя три дня после убийства Нугзара Квирикашвили, на брифинге, проходящем в Генпрокуратуре Грузии, постоянного представителя ФБР в Грузии Нэда Келли, было заявлено о том, что прибывшие накануне пятеро экспертов ФБР провели несколько следственных экспериментов и в основном согласны с заключениями грузинских правоохранительных органов: причиной смерти Нугзара Квирикашвили и его жены стал зарин. В комнате, где находились трупы, следователи обнаружили части снаряда ствольной артиллерии – с взрывателем и пороховым зарядом. Судя по маркировке, этот снаряд с российской базы в Ахалкалаки; всего, по данным следствия, с базы пропало около пятидесяти таких снарядов, в общей сложности – это двадцать два килограмма зарина. Нэд Келли сообщил, что образцы, полученные на месте происшествия, будут исследованы в лаборатории ФБР в штате Вирджиния, а результаты исследования будут переданы грузинской стороне. Не оставляет сомнений и тот факт, что автоматы Калашникова, которыми были вооружены российские диверсанты, также с военной базы в Ахалкалаки...»

Глава 4

Американский советник

Они не виделись три с половиной года, точнее – с февраля 2005. Гвидотерон посмотрел на Шерхана, как Микеланджело на «Давида». Он молча любовался своим творением, и ему показалось, в молчании прошла не минута, а целая вечность. Что-то с лицом пафоса промелькнуло перед глазами американца: «Ради этого стоило жить». Он уже оставил после себя след. Он причина, а его творение – следствие. Взаимная связь явлений во всей красе.

Гвидо Терон был на восемь лет старше Шавхелишвили. Всего на восемь лет. Это существенная поправка была ощутима на фоне его биографии и послужного списка. Терон окончил Денверский университет, затем академию ФБР в Куонтико. Потом получил назначение в центральный офис. В полиции проработал три с половиной года, расследуя дела, отличительной чертой которых было применение снайперского оружия и принадлежностей. После чего получил предложение «по-настоящему поработать на правительство». Он окончил двухгодичные курсы в учебном центре ЦРУ, расположенном на окраине Вашингтона. С каждым днем он тяготел к стратегии. Его уже больше не прельщала перспектива расследования как такового. Но без нее он бы не стал профессионалом в планировании секретных операций и не получил бы отдел в свои руки, а последний скоро получил конкретное направление: если раньше его более чем простое название «Свободный Северный Кавказ» больше подходило департаменту, то конкретное – «Джорджия-либерти», или «Джи-Эл», – действительно укладывалось в рамки отдела.

Терон получил прямые телефоны нескольких высокопоставленных чиновников Грузинской республики, которых он мог побеспокоить в любое время суток: секретаря совета национальной безопасности Грузии и руководителя госдепартамента разведки. Но прежде чем позвонить им, он должен был лично познакомиться с ними и с «проводимой ими политикой безопасности». И он вылетел в Грузию в качестве, о котором не мог мечтать даже год назад. Он был горд тем, что является личным куратором двух ключевых ведомств «Кавказского полигона», или просто «51-й полигон» – так упоминалась бывшая Советская Социалистическая республика в отчетах американских разведок и госсекретариата.

Пожимая руки двум этим благообразным людям, которые приготовили ему теплую встречу в Госканцелярии, Гвидо даже не подозревал, что вскоре получит приказ из Вашингтона на их устранение и с заданием справиться на «отлично». В «обвинительной» речи Эдуарда Шеварднадзе он найдет с улыбкой камешек и в свой огород. Пресс-служба президента отметит, что произошедшая трагедия является составляющей частью далеко идущей кампании, которая ставит целью моральный террор общества, и которая особенно активизировалась после срыва попытки физического уничтожения президента Грузии. А вот и слова «Одуванчика» – так за глаза называли Эдуарда Шеварднадзе: «Конечной целью этой кампании является разрушение фундамента государственности страны и ее дискредитация... Совет национальной безопасности обратился с просьбой к генеральному прокурору Нугзару Габричидзе оперативно провести следствие против заказчиков и исполнителей этой грязной кампании, вызвавшей эту ужасную трагедию».

...Гвидо Терон мягко отклонил предложение Шавхелишвили отметить встречу у него дома. Но не мог отклонить другое: погостить пару дней в родовом селе полковника Шавхелишвили. Его родители уже семь или восемь лет жили в высокогорном поселке, что в тридцати километрах от Телави. Чистый воздух, свежие фрукты, новое и старое вино, с которым могла поспорить разве что кристальная вода из горного ручья. В этом поселке, о котором Шавхелишвили не раз рассказывал Терону, проживали всего несколько семей. Он считался истори-

ческим местом. Там до сей поры сохранились сторожевые башни, внутри которых в старину жители могли укрыться и сдерживать натиск неприятеля в течение многих дней. Клановые разборки – так на современном языке назывались набеги соседей.

Сам Шавхелишвили жил в городе, в доме, что в двух шагах от Министерства госбезопасности. Гвидо Терон перенес якобы запланированную Шавхелишвили вечеринку на свой гостиничный адрес. Он прибыл в Грузию с командой из четырех человек: сам Гвидо, его жена и помощник по имени Дайана, и еще одна пара, не связанная узами брака: Лори Монро и Стэнли Йошиоки. Все четверо из отдела «Джи-Эл». В гостинице они заняли три комнаты, одна из которых предназначалась исключительно для рабочих встреч, но получила название гостевой.

Гвидо Терон в очередной раз дал понять опекавшим его в Тбилиси людям, что в специальной опеке не нуждается, и место проживания выбирал себе сам. Хотя у него был отличный вариант – одна, две, три комнаты, целый этаж в посольстве США. Оно было расположено не в центре Тбилиси, а фактически на въезде в столицу Грузии, на улице Джорджа Баланчини, которого в Грузии называют Георгий Баланчивадзе. Посольский комплекс занимает территорию в восемь гектаров, а общая площадь здания посольства составляет более трех тысяч квадратных метров и рассчитана на пятьсот сотрудников. Архитектором этого «шедевра» был японец Мелвин Аракаки.

Совсем недавно тут был переполох. Госдепартамент США санкционировал вывод семей американских дипломатов из Грузии «в связи с агрессивными действиями России». Госдеп выбрал шумную тактику, которая была на руку и самим Штатам, и их европейским сателлитам; особенно яркими сторонниками США стали страны Прибалтики, а также Польша и Чехия. Посольство организовало конвой из Тбилиси в Ереван. Также госдеп порекомендовал гражданам страны «воздержаться от необязательных поездок в Грузию, в частности в район города Гори и в Южную Осетию».

В посольстве, где в данное время работало около четырехсот грузин и чуть больше ста американцев, Гвидо Терон провел не больше двух часов. Устроившись в гостинице, расположенной на той же улице Баланчини, он связался с полковником Шавхелишвили. И вот они встретились. Ради этой встречи агент американской разведки отложил другую – с военным атташе и парой военных советников.

И еще об одной встрече нельзя не упомянуть. Гвидо Терон в «Боинге», который совершал спецрейс из столицы США в центр «51-го полигона», листал иллюстрированный журнал; на его обложке красовался президент Грузии Михаил Саакашвили. Собственно, Терон забавлялся, вооружившись фломастерами, которые он одолжил у стюардессы, и вспоминал о том, что в школьные годы достиг немалых успехов, рисуя комиксы. У него хорошо получались рисунки, а текст к ним откровенно хромал. Так зачастую авторы романов затрудняются давать названия главам, – они должны быть выверены, нести точную информацию о содержании главы; это как резкий выпад шпажиста, как-то сравнил Гвидо Терон.

Выбрав черный фломастер, он широкими штрихами пририсовал Саакашвили усы короткие и широкие, густые, как у Адольфа Гитлера. Приглядевшись к портрету и заметив деталь, которая раньше ускользнула от его внимания – проседь в черной шевелюре президента Грузии, – добавил серым фломастером седины его усам. Отлично. То, что нужно. Капитан Зло. Ему бы костюмчик соответствующий, прикинул Гвидо и даже «придумал» ему цвет: розовый. Как у знаменитой пантеры и ставшей не менее знаменитой революции. Он не разучился обращаться с образами, и эта подзабытая деталь добавила ему вдохновения, и настроение его поменялось в лучшую сторону. Хотя он не мог пожаловаться на состояние духа. Он летел в Грузию пусть не с открытым сердцем, зато с открытым карт-бланшем. Собственно, образ родился не в его голове, а был позаимствован у журналистов ежедневной бельгийской газеты, которые, насколько был осведомлен Терон, первыми сравнили «грузинского революционера» с главным нацистом всех времен и народов. Но в первую очередь они прославились, когда опублико-

вали карикатуры на пророка Мухаммеда, и случилось это зимой позапрошлого года. Но если оскорбленный до глубины души Усама бен Ладен, вооруженный, как всегда, АК-47, поклялся отомстить всему Евросоюзу за карикатуры на пророка, то грузинский президент проглотил «бельгийский выпад», правда, изжевав при этом свой галстук. А может быть, продолжал размышлять американец, у Саакашвили был другой, более веский повод попробовать на вкус часть своего гардероба.

Гвидо Терону было глубоко плевать на революционный цвет президента Грузии, пусть даже этот цвет был одобрен в Белом доме. Ему выпал шанс воплотить идеи на небывалом плацдарме. Он был «экспериментатором без границ и последствий». Опыт его работы уже сейчас, на этом этапе, положительно оценен как руководством ЦРУ, так и администрацией Белого дома.

В этот раз Терон прилетел в Тбилиси в качестве планировщика. Что касается исполнителей... Этот вопрос вызвал на тонких и будто выветренных губах американца улыбку.

По каналам Центрального разведывательного управления в это ведомство попал рапорт агента следующего содержания.

«Согласно оперативной информации, полученной от источника «Горизонт», 1 ноября 2008 года майор Телешевский Ю.А. из состава миротворцев Минобороны РФ намерен осуществить по заданию ГРУ конфиденциальную встречу с майором бывшей миротворческой группы со стороны Грузии Вахтангом Данией. Встреча планируется в грузинском населенном пункте Земо-Никози в 22.00 кавказского времени».

Рапорт стал той деталью, которая и запустила маховик секретной операции, получившей название «Метро». По сути дела, Гвидо Терон воспользовался шаблоном, клише, которых в ЦРУ насчитывалось великое множество. Он немедленно связался с полковником Шавхелишвили и в нескольких словах расписал, что тому необходимо сделать. Главное – не сорвать встречу и взять российского миротворца живым.

Гвидо достал из блокнота сложенный вдовое листок бумаги и распрямил его ладонью на столе. Сгиб послужил чертой, отделяющей один текст рапорта, написанного на грузинском языке, от другого – на английском; это был перевод.

Что интересно, Гвидо Терон за время частых и нередко длительных командировок в Грузию так и не научился говорить по-грузински – так, отдельные слова и короткие фразы, и то «через жопу», как назвал это Шавхелишвили, то есть через промежуточный русский язык, на котором Гвидо Терон говорил более чем сносно. Специальные же термины понимали по-английски даже самые тупые грузинские солдаты, мечтающие о черных беретах и шевронах с чарующей надписью «Специальная команда».

В ответ на действия Гвидо Терона полковник Шавхелишвили тоже мог достать бумагу, с которой ознакомился сразу после того, как в ЦРУ ушел рапорт агента «Горизонт».

«Нас крайне заинтересовала информация, полученная вами от источника «Горизонт». Рекомендуем вам провести действия следующего характера. Первое: задержать Телешевского на месте встречи с Данией, до нее или после (устраивают любые варианты). Второе: содержать Телешевского под стражей до наших особых распоряжений. Также рекомендуем изолировать Данию от любых контактов, включая телефонные разговоры и текстовые сообщения. Ожидается, что 3 или 4 ноября будет организован спецрейс с сотрудниками отдела «Джи-Эл» в Тбилиси с целью координировать ваши действия непосредственно на месте. Ваш Терон».

И вторая бумага, которая пришла по защищенным каналам связи спустя всего два часа после того, как Шавхелишвили лично сообщил Терону о завершении операции с Телешевским.

С ней первым ознакомился министр госбезопасности, и его личные планы, как оказалось, совпали с планами ЦРУ и президента Грузии. Речь шла об «устранении от дел министра обороны», жизнь которого и так висела на волоске.

– Что сделано? – спросил Терон у Шавхелишвили. Он проигнорировал недовольную мину грузинского полковника госбезопасности. Тому не понравилась следующая картина. За журнальным столиком устроились двое: Лори Монро и Стэнли Йошиоки. Мужчина делал вид, что читает газету, женщина якобы взяла паузу, причем такую длинную, что даже проголодалась. Она то и дело запускала руку в пакетик с какой-то хрустящей гадостью и бросала в рот. Полная, она была одета в обтягивающий шерстяной свитер и джинсы. Ее раскосый спутник оделся похоже: синяя рубашка, застегнутая под горло (а-ля Джордж Буш-младший), и джемпер с глубоким треугольным вырезом, просившийся называться декольте. Жены Гвидо не было видно. Такое чувство, сравнил хмурый Шавхелишвили, что она возится на кухне. Хотя никакой кухни в гостиничном люксе не было. Ему хотелось поговорить с Гвидо с глазу на глаз, хотя бы начать беседу в таком ключе. А дальше он бы принял официальное представление: «Лори, это полковник Шавхелишвили», и так далее, до трех.

«Что сделано?» Этот вопрос полковник, одетый в деловой костюм черного цвета, повторил про себя дважды. И в свою очередь спросил американца:

– Сегодня какое число?

Лори Монро заинтересованно перестала хрустеть чипсами, от которых у нее одежда трещала по швам.

Терон глянул на часы, будто собирался отметить точное время, в которое был задан вопрос.

– Сегодня 4 ноября.

Именно сегодня президент Южной Осетии озвучил заявление. На русском. Гвидо Терон мог процитировать его, ибо лишней информации вокруг так называемого грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликта для него не существовало, пусть даже ноги секретной операции росли только из одной республики. Еще придет время для обобщения. Итак, президент Южной Осетии:

«Заявляю, руководства Абхазии и Южной Осетии встретятся с президентом Грузии, при условии, что Грузия выведет свои вооруженные формирования из Кодорского ущелья и из зоны грузино-осетинского конфликта. Нас не устраивают двухсторонние договоренности, когда противоположной стороной подписываются и заключаются договоренности, которые потом нарушаются; когда за столом переговоров говорят одно, а на деле подталкивают народы к столкновению, к кровопролитию. Россия – главный гарант мира и стабильности на Кавказе, поэтому мы готовы встретиться с грузинской стороной при участии России».

Законное требование, отметил про себя Терон.

Еще из новостей он отметил выступление министра иностранных дел Израиля Ципи Ливни: «Израиль не намерен придавать законность движению ХАМАС». Она отклонила предложенное Россией посредничество в контактах с палестинским движением для прекращения огня в секторе Газа. «Мы не просим другие страны воевать вместо нас, это наша обязанность перед нашими гражданами».

«Пока живут на свете дураки, обманом, стало быть, нам жить с руки». Эти две строчки могли хором спеть США и Израиль.

Но главная, что ли, дата, отмеченная в российском календаре красным цветом, ускользнула от Гвидо Терона. 4 ноября стал одним из главных праздников в России. День народного единства. Без малого четыре сотни лет тому назад князь Дмитрий Пожарский, предводитель народного ополчения, освободил Москву от польско-литовских интервентов. Только цветы тезка Пожарского – Медведев отчего-то возложил на могилу Кузьмы Минина. В общем, как

бы случайно оказался в Михайло-Архангельском соборе Нижегородского кремля, поближе к народу, к его пониманию.

Да, сегодня было 4 ноября, день, насыщенный событиями. Даже приезд в Тбилиси специального агента ЦРУ Гвидо Терона можно было посчитать явлением значительным.

– Три дня назад я взял майора Телешевского, – продолжил легкое давление задетый за самолюбие полковник Шавхелишвили. – Двадцать четыре часа все СМИ, аккредитованные здесь, кроме российских, разумеется, только и говорили об этом: «Куда мог пропасть российский офицер-миротворец? Может быть, стоит искать его труп, возможно, обезглавленный?» Вчера пришел ответ на эти вопросы: Телешевский провел теракт, результат которого тебе известен.

– Я слушаю тебя, – покивал Терон, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. – Как прошла операция?

– Это другой вопрос, – Шавхелишвили тут же сменил тон и положение за столом: закинул ногу за ногу. – Операция прошла гладко. Даже ты не смог бы придаться. Господи, – чуть ли не простонал полковник, – почему мне все время кажется, что я разговариваю с русским? Даже выполняю его задание! Могу устроить ускоренные курсы по овладению...

Гвидо Терон отгородился от собеседника рукой.

– Чтобы лучше понимать противника, нужно изучить его язык. Кажется, есть такое высказывание. Хотя я не уверен.

В этом был не уверен и Шавхелишвили. Он слышал и запомнил другое высказывание: «Чем быстрее вы реагируете на действия противника, тем больше у него шансов понять, что его изучают». В отдельных случаях противника нужно перетерпеть.

Шавхелишвили был приверженцем японских боевых искусств. О понятии Кендо он мог говорить часами. А вернее – размышлять на эту тему, и это молчаливое действие походило на длительную медитацию. Его мысли соприкасались с историей, витали над эпохой самураев, первое упоминание о которых нашлось в системе Кондей – «Надежной молодежи», в 792 году. С ума можно сойти. Эти отважные люди, носившие доспехи, воевали в строю, были вооружены луком и мечом. И еще одно «сумасшествие»: еще в 782 году император Камму начал строительство Киото, где и появился первый тренировочный зал; он существует и по сей день и называется «Зал воинских доблестей».

Прошли десятилетия, и провинциальные армии были распущены. Самураи, оставшиеся без работы, бесцельно бродили по стране. Они стали бродягами, ронинами, «людьми, плывущими по волнам». Постепенно ронины образовали замкнутое сословие, свято хранившее традиции военного искусства, и время это стало расцветом Кендо – «Путь меча», символ благородства. Потомки ронинов получили образование на Западе, где в ходу была поговорка «перо сильнее меча», японские сегуны превратили ее в мудрость: «Перо и меч в гармонии».

Глава 5

«Четырехсотлетний ронин»

В самолете Гвидо Терон не только рисовал комиксы. Он еще раз пробежался по досье Шавхелишвили, хотя мог пересказать его, не упуская ни одной мелочи. Но в досье мелочей, как это широко известно, не существует. Каждая мелочь в личном деле – это черта, порой главная, играющая в том или ином эпизоде решающую роль; также она может быть использована в будущем, например, как средство давления, как точка для стимула и так далее. Рост Шавхелишвили – сто девяносто пять сантиметров. Под стать его «кумиру из прошлого» – ронину Мусаси, который, словами самого Гвидо Терона, «рылом не вышел и вдобавок перерос». Терон в этом месте сделал отступление, припомнив «детали» 1612 года, когда Мусаси организовали поединок с самураем, разработавшим уникальную технику фехтования, известную как «пируэт бабочки». Поединок назначали на восемь утра, а местом его проведения должен был стать остров. Накануне Мусаси откровенно наклюкался, а наутро не смог встать с постели. Пронесся слух, что в страхе перед филигранной техникой противника ронин сбежал. Но когда его добудились, он выпил воды и сел в лодку. Пока гребец направлял ее острову, Мусаси выстрогал меч из запасного весла. Когда лодка причалила к берегу, ронин выскочил из лодки и бросился на противника с веслом. Тот сделал выпад клинком работы Нагамицу, а Мусаси разmozжил ему голову веслом собственной работы. Поклонившись секундантам, он уплыл с острова.

Он был одержим в совершенствовании своего мастерства: «мокрый от дождей, продуваемый ветром, не причесываясь, не глядя на женщин, не занимаясь ничем, кроме оттачивания мастерства, он никогда не принимал ванны, чтобы не быть застигнутым врасплох без оружия; приобрел дикий и жутковатый вид».

Эта сопутствующая информация, которой не нашлось места в досье Шавхелишвили, была достойна занять в нем место хотя бы в виде сноски. Пусть Шавхелишвили не был «мокрым от дождей, продуваемым ветром и непричесанным», но на женщин он не глядел точно, ни во время оттачивания своего мастерства, ни в перерывах. Полковник Шавхелишвили был гомосексуалистом. Насколько знал Гвидо Терон, а точнее Центральное разведывательное управление, за последние восемь лет у Шавхелишвили была всего одна связь с женщиной. И длилась она порядка четырех месяцев. Он дарил ей цветы, но никогда – дорогие подарки. Но всегда на его лице была заметна тоска по чему-то или кому-то. Это выражение исчезло, когда исчезла и женщина из его жизни, и на горизонте замаячил очередной молодой любовник.

Мужественный, даже воинствующий гомосексуалист – явление отнюдь не редкое. Не все геи женственны и трусливы, как не все гетеросексуалы мужественны и смелы. В общем и целом, пришел к выводу Гвидо Терон, Шавхелишвили был рожден «стойким педиком».

Однажды Терон решил представить, каков «грузинский Шерхан» в постели, на что ему потребовалось напрячь все свое богатое воображение гетеросексуала, и в голове его помутилось. Он реально почувствовал, как его протыкают насквозь.

Так или иначе, агент американской разведки был вынужден вникать в то, что сам назвал «хобби Шерхана». Он выучил некоторые термины из Кендо, и некоторые понятия его рассмешили, поскольку он произвольно навешал на них гей-ярлыки. Например, термины «отшить», «шлепающее парирование», «прямая связь», «придержать подушку», «знать время», «освобождение четырех рук», «двинуть тенью», «привести в смущение», «три крика» (по Мусаси различаются как до, во время и после), «проникнуть в глубины», «командир знает солдат». Последний термин японского фехтования вообще был бесстыжим.

Начальство может быть слепым, глухим, каким угодно, но наушники, агенты, офицеры службы внутренней безопасности, даже обыкновенные соседи, все, вместе взятые, не могут

быть без глаз. Шавхелишвили немного опоздал, хотя был уверен, что играет на опережение. Он предстал перед начальником управления без тени смущения и румянца на щеках и прямо сказал: «Я гомосексуалист. Вас это устраивает?» Начальник управления ответил откровенностью на откровенность: «Это устраивало моего адъютанта. Его пришлось убрать от греха подальше». Да, адъютант был красив. Джемал понял это, еще не видя его, когда впервые услышал его голос за дверью кабинета. Понял по тому, как часто заколотилось его сердце... Больше на эту тему разговоров в управлении не было. Получилось так, словно начальник отпустил подчиненному все его грехи.

Чувственные губы... У Шавхелишвили были чересчур чувственные губы. Они выдавали в нем нетрадиционную ориентацию больше, чем оценивающее выражение его удивительно синих глаз. В них не было похоти. Этот человек любил, как и все остальные люди, но в любви его было лишь одно отличие... Переживания, чувства, включая самое острое – ревность, были искренними, равно как и слезы, которые он проливал в пору молодости.

Еще в досье имело место одно из любимых выражений Шавхелишвили. Надо ли говорить, что автором его был «диковатый, жуткого вида, избегающий женщин ронин Мусаси. *«Каждый изучает то, к чему имеет естественную склонность»*. Если отталкиваться от этой цитаты, то именно она стала основанием той самой «естественной склонности» Шавхелишвили. Поскольку изучение подразумевает и склонность. Но это было личное мнение Гвидо Терона. Он знал правду, а в каких мучениях она появилась на свет, его по большому счету не интересовало. За одним исключением: все же ему хотелось узнать, кто был тем человеком, который совратил и стал первым любовником Шавхелишвили. И всегда он одинаково гасил свое любопытство: «Пусть это будет четырехсотлетний самурай».

* * *

...Шавхелишвили одарил Йошиоки долгим, полным сомнения взглядом. Ничто не выдавало в этом толстяке фехтовальщика, последователя Пути меча. Даже его раскосые глаза, которые смотрели на мир словно по отдельности. В нем отсутствовали какие-то первичные, что ли, признаки фехтовальщика. Он стоял, чуть опустив голову, собрав на лбу морщины. Это признаки мыслителя, но не воина; и еще он часто моргал. Быть может, он был наслышан, много читал про Кендо, и в отдельных случаях, беря на вооружение свои японские глаза, мог сойти за фехтовальщика. Во всяком случае, он мог поддержать разговор даже в кругу посвященных в это древнее искусство. Но никто из этого круга не примет и не признает в нем ронина. Никто. По тем же «первичным» признакам, которые выдавали в нем скорее слабование.

– Ты слышал про Мусаси?

– Конечно. Кто же не знает Мусаси...

– Не все, кто находится здесь. – Шавхелишвили в первую очередь скосил глаза на Монро, потом посмотрел на Гвидо Терона. Тот если бы и захотел вмешаться в разговор, то сделал бы это на русском языке. Полковник продолжил тоном человека, чье самолюбие было задето. Он действительно встал на защиту «четырехсотлетнего ронина». – Ты знаешь, а может быть, ты понял методы Мусаси?

– Да, я изучал приемы традиционных школ и практиковался в базовых атаках. Нам говорили: «Нужно помнить, что боевой прием может начинаться с гораздо большего расстояния, чем это кажется возможным на первый взгляд».

– Интересно. А дальше?

И тут лоб полукровки разгладился; он буквально преобразился на глазах.

– Человек, повидавший смерть на конце меча, обладает повышенным пониманием боя. – И снова как будто ушел в себя. Более чем будничным голосом поинтересовался: – У тебя найдется деревянный меч? Мы могли бы...

Куртка кимоно, называемая кендоги, штаны-юбка хакама, а также пояса юбки – тарэ, пришлось полукровке впору, это уже не говоря о нагруднике, шлеме и рукавицах. Это была очень удобная одежда, сшитая из ткани, выкрашенной традиционным японским способом с помощью индиго. Цвет очень стойкий и немаркий.

Йошиоки разделся до трусов и в первую очередь надел на голое тело кендоги, а потом – хакаму с традиционными пятью складками спереди и двумя сзади. Каждая складка символизировала доброжелательность, честь и справедливость, вежливость и этикет, мудрость, искренность, преданность, благочестие. Дальше японец облачился в тарэ – защитный пояс, и в конце скрыл лицо за маской фехтовальщика, которая состояла из решетки и двух частей, защищающих подбородок, голову и шею сверху и по бокам. Он глубоким кивком оценил качество рукавиц, которые были набиты не химволокном, но настоящим оленьим пухом; а внутренняя их часть, что прилегалась к ладони, была изготовлена из светло-коричневой оленьей кожи. Наконец Йошиоки взял в руки синай – тренировочный меч. Он был изготовлен из четырех отполированных частей бамбука, выровненных между собой посредством металлической пластины. Меч имел в длину чуть больше ста двадцати сантиметров.

Йошиоки прошел босыми ногами в середину зала и, не имея под рукой специального меча для ката – он немного меньше, выполнил комплекс упражнений с синаем. Шавхелишвили не без удивления и удовольствия отметил, что Йошиоки отлично держит ритм, а положение его тела можно было назвать идеальным. В его крике было столько энергии, что, будь в это время перед ним реальный противник, он бы проиграл...

И вот они сошлись в середине зала. Поклон – и Йошиоки, опередив соперника, словно на правах гостя, ринулся в атаку. Шавхелишвили отразил его выпад ударом своего синая сверху. Задержав его, он, дождавшись повторной стремительной атаки японца, нанес режущий удар снизу. И повторил выпад.

Соперники разошлись. В этом коротком поединке выиграл хозяин помоста. Он принял стойку с прямой головой – не опущенной и не поднятой; не была она повернута и в сторону. Его лоб был гладок; лишь тени – как намек на морщины – пролегли от одного виска до другого; они проглядывали даже через маску. Он смотрел прямо, не мигая, слегка прикрыв глаза. Контролировал выражение лица, держа линию носа прямо. Его чувственные ноздри трепетали, раздуваясь, и он ощущал холодок в носоглотке, как будто поединок проходил на морозном дворе. Он привычно опустил плечи, перемещая силу в ноги от коленей до кончиков пальцев; напряг пресс. Расположил свой деревянный меч вдоль живота, туго затянутого поясом. Эта стойка стала для него повседневной, и он хорошо понимал это состояние.

Он держал меч с «плавающим» ощущением в большом и указательном пальцах. Средний палец был словно нейтральным, а другие два пальца сжаты крепко. Он не признавал «закрепленности в одном положении» ни в мече, ни в кисти. Фиксация означает мертвую руку.

Йошиоки снова пошел в атаку, на деле доказывая, что был приверженцем школы Мусаси. Он атаковал. Стремительно бросался вперед, сохраняя спокойствие. Суть его наскоков была очевидна: проникнуть в глубь обороны противника.

Шавхелишвили, дождавшись когда противник пойдет в атаку, ударил по его рукам. Йошиоки попытался отбить его меч вниз, зычно выкрикнув при этом. Шерхан полоснул по руке горизонтально и с ощущением «пересечения». Это означало, что он поразил противника из нижнего положения в тот самый момент, когда он атаковал. Был бы в его руках длинный меч, а не «сборный» бамбуковый, со струной, показывающий тупую часть лезвия, то его противник пал бы замертво.

Шавхелишвили снова отдал инициативу японцу, и когда тот опять бросился в атаку, решил подловить его. Он сделал движение, которое даже для неискушенного Гвидо Терона было очевидным: Шерхан собрался отпрыгнуть в сторону, уйти с линии атаки. Но грузин только изобразил слабость, подловив соперника. Он сам бросился вперед и мощно атаковал

его; кожаный наконечник меча ударил в переднюю часть шлема, состоящего из четырнадцати горизонтальных пластин.

Они снова разошлись и снова сошлись. Йошиоки получил достойного соперника и пока что ничего не смог поделать с его взрывной защитой.

Шавхелишвили принял левостороннюю стойку. Когда Йошиоки опять атаковал его, он полоснул по его рукам снизу. Японец в этот момент попытался придавить его меч, а грузин, легко уклонившись с траектории его меча, провел секущую атаку наискосок сверху от своего плеча.

Глаза его за решеткой маски блеснули торжеством. Они словно говорили: «Это Путь длинного меча». Этим приемом он в четвертый уже раз победил противника, уходя с траектории его атаки.

В пятом подходе он продемонстрировал, что умеет работать в любой из пяти стоек, выбрав правостороннюю.

На ногах Шерхан передвигался своеобразно, методом так называемого «ровного ума»; и с «плавающими» кончиками пальцев, твердо ступая на пятки, он двигался как при нормальной ходьбе – медленно ли, большими шагами или короткими. Спокойно работал левой-правой, правой-левой (и никогда только одной ногой), нанося удары, отражая их или отступая, не отдавая какой-либо ноге преимущества. В каком бы положении он ни пребывал, никогда его не фиксировал. Из существующих пяти положений тела – это верхнее, среднее, нижнее, правостороннее и левостороннее, он предпочтение отдавал среднему положению – сердцу всех положений. Прочие стойки ему подчиняются. Как подчинилась и правосторонняя, с которой он начал, и верхняя, которой он заканчивал поединок.

Шерхан снова почувствовал ритм атаки Йошиоки и перевел свой меч косым движением в верхнее положение. И тут же атаковал прямо сверху.

Это был пятый подход – и пятая победа Шерхана.

Он поклонился сопернику. Затем еще раз – когда снял шлем.

Йошиоки не сразу показал свое лицо. Несколько секунд оно было скрыто за решетчатым забралом. Он словно прятал его, покрасневшее от позора. Он считал себя мастером Кендо. Во всяком случае, в школе, где он два раза в неделю проводил по два часа, ему могли противостоять всего несколько человек, включая учителя. Он даже не предполагал, что в далекой, далекой во всех пониманиях, включая удаленность от Штатов и Японии, Грузии найдется равный ему боец. По большому счету, он согласился на эту командировку больше из любопытства. И вот оно было удовлетворено.

Но он не был бы самим собой, воином, каковым считал себя, отчасти ронином, если бы не принял поражение как должное.

Когда он снял шлем, лицо его было бледным, точнее – желтоватым. На нем не осталось ни одного гневного пятнышка. Он поклонился Шерхану и короткими шажками направился в душевую.

– Никогда его таким не видел, – нарушил паузу Гвидо Терон, не без опаски ступая в центр зала. Он сумел реально представить, что было бы с Йошиоки, будь у Шерхана боевой меч.

– А что насчет меня скажешь? – улыбнулся Шавхелишвили.

– Ну, ты был на высоте.

– Я нажил друга?

– Совсем нет, – поспешил успокоить его американец. – И ты знаешь это лучше, чем я.

Глава 6

«Директива – ликвидировать»

Москва

Генерал армии Ленц, занимающий должность начальника военной разведки вот уже на протяжении одиннадцати лет, прочитал подробный доклад о смерти министра обороны Грузии и обронил под нос: «Во время операции ни одно животное не пострадало». На языке вертелась еще одна «вольность»: «Не пытайтесь повторить этот трюк дома». Однако она была в тему. 3 февраля 2005 года в квартире своего друга отравился бытовым газом премьер-министр Грузии Зураб Жвания. А газ – та же химия, посредством которой отправили на тот свет еще одного министра – обороны. В этой связи Ленц позволил себе шутивное отступление: многое бы прояснило в смерти министров, если бы газ, которым они отравились, шел транзитом через Украину.

А если говорить серьезно, то даже одна смерть – Зураба Жвании – лично у начальника Главного разведывательного управления ассоциировалась с убийством. То есть других версий этого преступления попросту не существовало. А «бытующие», они же официальные, версии не выдерживали никакой критики. Начать с того, что премьер-министр «пошел в гости к своему другу» Юсупову. Как будто премьеру больше делать нечего. И когда он перестал отвечать на телефонные звонки, квартиру на Сабурталинской улице взломали его охранники и нашли то, что нашли: два трупа. Один – премьера – в гостиной, другой – Юсупова – в кухне. Причем в квартире не было обнаружено отпечатков пальцев Жвании и Юсупова. Жвания был заядлым курильщиком, однако найденные в квартире окурки не были от выкуренных премьером сигарет. Те, кто знал его хорошо, отмечали его специфическую манеру выкуривать сигареты. «Он их до конца не докуривал и характерно гасил». Об этом, в частности, рассказал брат погибшего.

Косвенно факт убийства признал и президент Грузии. Во-первых, 9 февраля, в среду, на международной научной конференции он сказал: «В связи с убийством Жвании...», потом поправился: «...в связи со смертью Жвании». Во-вторых, в соборе Святой Троицы в Тбилиси он заявил, обращаясь, судя по всему, к всевышнему: «Я принял решение взять на себя ответственности премьер-министра», собственно, человека, который, говоря официальным языком, «являлся сторонником развития дружественных добрососедских отношений между российским и грузинским народами».

Что интересно, последний звонок премьер-министру Грузии сделал посол Грузии в США Леван Микеладзе.

Также интересен тот факт, что в деле о «*трагической случайности*» Нино Бурджанадзе «не усмотрела русский след». Пожалуй, она проговорила почти самого президента Грузии.

Что касается следователей ФБР. В докладной записке на имя начальника ГРУ было сказано следующее:

«В грузинскую столицу в ночь на вторник 8 февраля прибыла группа следователей ФБР. Официальная версия прибытия – совместное, со следственным департаментом генеральной прокуратуры, расследование обстоятельства гибели премьер-министра Грузии Зураба Жвании, а также оказание профессиональной помощи грузинским следственным органам в расследовании теракта в городе Гори 1 февраля. В результате взрыва у здания краевой полиции региона Шида-Картли погибли трое полицейских, 27 человек получили ранения различной степени тяжести. Следователи ФБР намерены провести химическое, биологическое и гистологическое исследование проб крови Жвании. В посольстве США отмечают, что не связывают факт

гибели премьера с терактом в Гори. Во вторник утром состоялась встреча посла США в Грузии Ричарда Майлса и секретаря Совета национальной безопасности Грузии Гелы Бежуашвили. Тема: обсуждение деталей будущего сотрудничества с ФБР».

И еще одно. Рауль Юсупов никогда не жил в квартире на Сабурталинской улице, где произошла трагедия, и никогда не снимал ее; вместе с семьей он проживал в Варкетильском микрорайоне Тбилиси. Причем в квартире на Сабурталинской за три дня до трагедии сменили газовую печь. И сменил ее тот, кто снял эту квартиру для разовой акции.

Согласно оперативной информации, которую генерал Ленц всегда получал в режиме реального времени, за ликвидацией грузинского премьер-министра стояли люди из госбезопасности Грузии. По его приказу были подняты документы почти четырехгодичной давности, и он освежил память. Исполнителем того преступления источники в Грузии назвали Джемала Шавхелишвили. (Впервые его имя назвал брат покойного). Не исключено, что и в этот раз полковник госбезопасности с позывным «Шерхан» исполнил приказ своего начальства.

Работая с документами, Ленц подметил одну деталь, заслуживающую особого внимания. А именно: сообщение российского военного разведчика, который работал под прикрытием дипломата в грузинском посольстве. Датировался этот документ, подшитый к делу, 1 февраля 2005 года. То есть фактически за два дня до кончины чиновника; подшит же он был к делу в ходе сбора информации и расследования через возможности ГРУ.

Начальнику 2 управления

Сегодня, 1 февраля 2005 года, в Тбилиси из США специальным рейсом прибыл лично руководитель отдела ЦРУ «Джи-Эл» Гвидо Терон. Цель его визита неизвестна. В столичном аэропорту его встречал подполковник Министерства госбезопасности Грузии Джемал Шавхелишвили. Первые два часа Гвидо Терон провел на месте строительства нового посольства США, где переговорил с главой Бюро международного строительства госдепартамента, послом и постоянным представителем ФБР в Грузии Нэдом Келли. Тема беседы неизвестна. К месту проживания (Гвидо Терон остановился в небольшой гостинице в местечке Диди Дигоми, неподалеку от новостройки) Терон пришел пешком в сопровождении Джемала Шавхелишвили. В 20.30 они на машине Шавхелишвили отбыли в неизвестном направлении».

И вот спустя почти четыре года уже другой источник сообщает нечто очень похожее.

После убийства министра обороны Грузии в эту страну снова прибывает руководитель «Джи-Эл» Гвидо Терон. Он снова проводит два часа в посольстве, которое начало функционировать с декабря 2005 года, а потом встречается в той же любимейшей ему гостинице со старым знакомым – теперь уже полковником госбезопасности Джемалом Шавхелишвили.

Если Шавхелишвили причастен к убийству и министра обороны, то в этот раз он исправил все недочеты. Убийство министра произошло в доме министра. Шерхан отвел от себя и своих заказчиков подозрения, подставив другого, проведя акцию с похищением российского миротворца. В этот раз руководитель отдела «Джи-Эл» прилетел не на день раньше запланированной акции, а позже, что также выдвинулось наигранным действием. В общем, «все наоборот кажется; может, это все мне мерещится?»

Почему Терон прибыл позже? – спрашивал себя начальник военной разведки. Ведь дело сделано. Неужели за тем, чтобы выслушать доклад о проделанной работе? А может, дело недоделано? Что еще они задумали у себя в ЦРУ? Какое продолжение изобрели?

В субботу генерал Ленц присутствовал на традиционной встрече членов Совбеза с президентом страны. И услышал – впервые за много лет – в свой адрес нелестное замечание верховного главнокомандующего. (Впрочем, отметил он, замечание было сделано сгоряча, по

молодости лет. Нет, новая метла по-новому не мела. Она пока что училась мести.) Замечание сводилось к следующему. Назвав начальника ГРУ, как и положено, генералом армии, президент словно понизил его в звании, назвав по имени отчеству: «Игорь Александрович, я слышал, у вас люди пропадают. А потом их обвиняют в убийствах и терактах. Во-первых, я требую доклада по этому поводу. Второе: виновные должны быть наказаны». И все члены Совбеза посмотрели на начальника военной разведки похотливым взглядом, видя в нем особь женского пола. Вот-вот она снимет исподнее и высечет себя при всех.

Ленц разучился краснеть лет в шестнадцать-семнадцать. Что касается этой «выволочки», то он не посчитал ее даже здоровой критикой. У президента «кризис переломного возраста». Его отношение к начальнику ГРУ сменится; чем быстрее они смогут переговорить с глазу на глаз, тем лучше.

Дальше совещание проходило ровно и гладко. Глава государства оседлал любимого конька: «Вот когда я был маленьким...»

Когда Ленц вернулся в штаб-квартиру ГРУ, немедленно, только в родных стенах начав с досады гонять желваки, приступил к решению проблемы с цветом детской неожиданности.

Он вспомнил о давнем знакомом, который ушел в отставку в звании подполковника. Он обращался к Сергею Марковцеву на «ты» и был уверен, что тот, предпочитая официальное «вы», вкладывал в эту форму открытый вызов, объявление боя: «Иду на вы!» Сергей Марковцев был дерзким и смелым человеком. Пожалуй, другого такого Ленц не знал. И он больше всего подходил на главную роль в акте под названием «Виновные должны быть наказаны».

Ленц вызвал помощника, и когда тот вошел в кабинет и остановился точно в середине, начальник ГРУ отдал ему распоряжение, предупредив вначале: «Записывать ничего не надо». (Помощник явился с тонкой папкой, в которой всегда находился чистый лист бумаги. Он был готов выслушать и короткий приказ, и записать, если потребуется, дополнения к нему).

– Отыщи мне подполковника Марковцева. Сергея Максимовича, – добавил он после короткой паузы. – В отставку он ушел много лет назад, но после отставки несколько раз привлекался к работе нашими специалистами. Черт его знает, где он сейчас.

– Я понял, о ком идет речь.

Спрут наигранно выгнул бровь, опершись о подлокотник высокого стула, искривив, как школьник, позвоночник.

– Мне вызывать Марковцева?

– Готовься сделать это в любой момент. А пока что только уточни его адрес. Вызови ко мне полковника Артемова.

– Слушаюсь.

– Ступай, – привычно отпустил он подчиненного.

На ум генералу пришла фраза: «Злоумышленник, действующий в одиночку». Она была в ходу у спецслужб. Они с успехом отслеживали и боролись с преступными группировками разного толка, но с одиночками – зачастую фанатиками – у них дела шли не так хорошо.

Сергей Марковцев, некогда командовавший батальоном спецназа «Ариадна», подпадал под это определение, потому что с успехом мог отработать как одиночка.

Игорь Александрович не читал остросюжетную литературу по меньшей мере последние пятнадцать-двадцать лет. Но всего пару месяцев назад попросил помощников составить аннотацию на пару свежих романов Фредерика Форсайта, которого считал мастером документального детектива. Сюжет романа «Мститель» был незатейлив и при желании мог свестись к одной фразе: охота одного человека за другим. Однако при таком подходе любому роману можно дать оценку одним предложением.

Ленц позволил себе чуточку фантазии. Он в черных очках, в панаме, сидит в шезлонге, в руках книга Форсайта. Дела в управлении идут так хорошо, а отдых протекает так безмятежно,

что его сотрудникам плевать на карканье воронов, а руководителю – на крики морских чаек. И в его голове пронеслось: «Почему бы и нет, почему бы и нет?...»

О Форсайте Ленц вспомнил потому, что невольно сравнил главного героя с реально существующим человеком – Сергеем Марковцевым. Но еще больше тот походил на персонаж из «Мстителя», и Ленц почти дословно воспроизвел несколько строк из этого романа.

«Сначала он проплыл почти что милю, потом, оседлав гоночный велосипед, промчался сорок километров, низко склонившись над рулем, на предельной скорости. Такое нелегко и в двадцать пять лет, а в пятьдесят один подобное издевательство над собой тянет на злостное нарушение Женевской конвенции о правах человека. Ему пятьдесят один исполнился в январе...»

Сергей Марковцев был разным, но не универсальным в прямом смысле этого слова. Он мог быть жестоким, а мог простить даже своего кровника. Хотя с последним выводом Ленц, скорее всего, поторопился.

Ему был необходим человек с определенным набором качеств, и положительных моментов в этом наборе он почти не видел. Он был вправе рассчитывать на то, что, сделав выбор в пользу Марковцева, в выборе не ошибся.

Но прежде всего Ленц подумал о кураторе. На эту роль он подобрал полковника Артемова, которого отпустил со службы с формулировкой «свободный агент». Полгода назад Артемова восстановили в должности. Но генерал Ленц с ним так и не встретился.

Михаил Артемов вошел в кабинет начальника ГРУ через четверть часа. Ленц до сей поры имел в своем подчинении командный пункт ГРУ, нелегалов и группу особо важных агентов; в число последних входил Сергей Марковцев и до недавнего времени Михаил Артемов. Что касается командного пункта, куда стекается вся информация со всего мира, то он в новом здании в районе Хорошевского шоссе приобрел иной вид. Теперь не только на бумаге, но и на огромных экранах можно было увидеть «современную структуру ГРУ» и отдельные основные и вспомогательные управления в действии. Информация из управления космической разведки моментально выводилась на экран по личному распоряжению начальника ГРУ, равно как из управлений, отвечающих за страны Европы, Азии, Северной Америки...

Еще одна гордость – ситуационный центр, где специалисты могли без труда смоделировать любую конфликтную ситуацию в локальном или международном масштабе.

Но все же на первом месте в ГРУ были кадры, самая засекреченная сторона управления. Они решали порой незначительные, на первый взгляд, задачи, но без них не было бы этого современного засекреченного здания, не осталось бы былой славы военной разведки.

Ленц вышел из-за стола и за руку поздоровался с вошедшим. Покачал головой, услышав в ответ: «Здравствуйте, Игорь Александрович». Он подумал о полковнике, которого не видел несколько лет, вслух:

– Стареешь, Михаил Васильевич.

Артемов пожал плечами и, безбоязненно заглянув в глаза шефа военной разведки, сказал:

– Один я, что ли, старею?

– Думаешь, я подавлюсь твоей шпилькой?

– Я ничего такого не думаю.

– Ты ведь недавно перебрался в новое здание ГРУ?

– Пару недель назад.

– Присаживайся. Но ведь о чем-то думал, когда впервые шел по коридорам управления?

Или я ошибаюсь?

– Вы?

Ленц рассмеялся. Артемов, познавший вкус и прелести штатской жизни, удовлетворил его любопытство в соответствующем ключе:

– В здании на старой Ходынке меня прельщала атмосфера обычной войсковой части. Там я чувствовал себя... покойно, что ли. Все-таки изначально в нем планировали разместить военный госпиталь. В каждой комнате, кабинете я видел врачебный кабинет. В каждом офицере – врача.

– Военврача.

– Да какая разница? А здесь я чувствую себя... как в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли. Не удивлюсь, если вы заговорите со мной по-английски.

– Тебе сорок пять?

– Так точно.

– У тебя семья – жена и дочь, да?

«Думаете, в этом причина моего старения?» – глазами спросил Артемов.

У него была жена, дочь, как верно заметил начальник управления. Дочь – уже совершеннолетняя. И если сказать об этом, то генерал спросит: «В каком смысле?» Нет, конечно, он не спросит. Это отвечал за него Артемов, действительно хлебнувший прелестей штатской жизни, но отчаянно тоскующий по своей работе.

Наступила пауза, прервать которую Ленц позволил своему гостю.

Артемов демонстративно посмотрел на часы; с его губ едва не сорвалась очередная вольность: «Я работаю быстрее, когда мне говорят суть задания». Все дело в том, что он так и не смог понять и простить до конца Ленца, уволившего его со службы. Он признал свою вину и постарался ее загладить, когда подписал распоряжение о его восстановлении в должности.

– Помнишь Сергея Марковцева?

– Да. Нас связывает совместная спецоперация в Сирии.

Спрут же вспомнил год 2001-й.

– В Грузии Марковцев провел блестящую операцию, завершившуюся в аэропорту.

– Вы ошибаетесь.

– Я? – Спрут «отхаркнул» шпильку подчиненному.

– Операция завершилась в тюрьме. Я знаю об этом не понаслышке. Марка взяли в аэропорту «Северный» и посадили за решетку. Он рассказывал мне, что ни на минуту не забывал, кто вытащил его из Грузии. Из тюрьмы-то он сам бежал, – конкретизировал полковник. – Хотите поручить нам еще одно задание?

– Именно. И об этом должны знать только трое: ты, я и Сергей Марковцев. Прочитай «деяния Марка» и найди к нему подход. Ступай.

* * *

С одной стороны, к чему искать подход к Сергею Марковцеву? – задался вопросом полковник Михаил Артемов. Он был на несколько лет моложе Марковцева и знал о своем коллеге из ГРУ достаточно, чтобы снова поработать с ним в паре, а другими словами – «пойти с ним в разведку». Они познакомились в 2003 году. «Пять лет тому назад», – удивился Артемов. Ему казалось, с тех пор прошло два, ну три, года. А причиной тому были яркие воспоминания о совместной работе.

Было что вспомнить. Основная фаза операции проходила в Сирии. Группа спецназа во главе с Марковцевым была интернациональной. Русские и немецкие военные провели блестящую операцию. Они проникли в тюрьму и освободили двух русских спецназовцев, приговоренных к смертной казни. Эвакуация проходила в два этапа: сначала вертолетом, потом торговым судном «Новиков».

Михаил Артемов бережно хранил воспоминания об этой уникальной операции. Он даже лично встретился с капитаном «Новикова», приписанного к Черноморскому морскому пароходству, и забрал у него радиограмму следующего содержания:

«НОВИКОВ». КМН. СЛЕДОВАТЬ В ТОЧКУ С КООРДИНАТАМИ 36.00 СЕВ., 35.50 ВОС. ВЗЯТЬ НА БОРТ ГРУППУ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН. НАЧАЛЬНИК ЧМП ГРОМОВ.

«Прочитай «деяния Марка» и найди к нему подход».

Подполковник в отставке, бывший настоятель Свято-Петрова монастыря любил фразу: «На работе я о боге не думаю». Самый простой подход к нему – без обиняков. По пути прихватить бутылочку водки. Одну. Чтобы потом вместе выйти на улицу за второй. Сменить на время обстановку, чтобы не мешала восстановлению связей.

Какой еще к черту подход имел в виду Спрут, эта хитрая рыбина? И тут Артемова осенило. Он только что не хлопнул себя по лбу. Найти подход к Марку означало заинтересовать его. Чтобы он не рассматривал предложение сонными глазами. Начало должно быть динамичным, а не вялотекущим. Спрут тысячу раз прав.

Артемов расположился в «сотовом» кабинете, где, кроме него, над делами корпело с десяток сотрудников «Террариума» – так уже стали называть новое здание ГРУ, оставив «Аквариум» за старым. А кабинет «сотовым» назвали из-за светло-коричневых шестигранных столов, стоящих в ряд.

Досье на Марковцева Сергея оказалось внушительным и даже, показалось Артемову, вызвало зависть коллег, сидевших за тощими папками. Марковцев при жизни удостоился чести: папки, в которых были собраны свидетельства значимых событий его жизни, были отмечены надписями: «ХРАНИТЬ ПОСТОЯННО». Ниже – «Марк», его оперативное имя. Гроссбухи, сравнил Михаил Васильевич. Он припомнил последнюю встречу с Марком. Они оттягивались после зарубежной командировки. Артемов признался: «Не думал, что ты командовал батальоном». Марковцев ответил: «Когда получил подполковника, в голове что-то щелкнуло: все, это предел». Вот и Артемов в свои сорок пять мог констатировать, что добрался до предела... еще семь или восемь лет тому назад. Только не помнил, щелкало ли у него что-то в голове, когда получил полковника. Скорее всего, щелкало и шумело. Наутро.

«Деяния Марка».

«Ранние годы».

Ему двадцать три. С ума сойти. Не верится, что Сергею Марковцеву когда-то было двадцать три года. Кажется, он явился на свет в сорок пять. Открыл дверь-пространство, искривив его своей неповторимой ухмылкой, и влез в этот мир «гостем непрошеным». И первым, кого он встретил на своем пути, оказался Михаил Артемов. А последний не нашел ничего лучшего, чем отрапортовать Марку на его вопрос, зачем он понадобился военной разведке: «У нас возникли некоторые трудности». Марковцев натурально посочувствовал: «Такое бывает, когда у разведчика кривые руки. Это много хуже кривых ног, которые плотнее обжимают шею. Я уже не в том возрасте, когда хочется обвешаться пулеметными лентами. Я каждое утро проверяю, на месте ли мой член, а вы мне предлагаете «поработать на правительство».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.